

Миранда Невилл Рассудку вопреки

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6686729

Невилл, Миранда Рассудку вопреки : роман : АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-080910-3

Оригинал: MirandaNeville, "Confession from an Arranged Marriage"

Перевод:

Т. Дмитриева

Аннотация

Лорд Блейкни вовсе не планировал предаваться тихим радостям семейной жизни – наоборот, по возвращении в Лондон после двухлетнего отсутствия он собирался вдоволь повеселиться с легкомысленными куртизанками.

Умная, независимая Минерва Монтроуз никогда не стремилась замуж, а тем более выходить за никчемного, на ее взгляд, повесу вроде Блейкни.

Но увы! Маленькое недоразумение на балу, и репутация Минервы безнадежно скомпрометирована, а Блейкни теперь обязан жениться на «погубленной» им девушке.

Конечно, свадьба еще не конец света – умные люди всегда сумеют сохранить свободу в браке.

Однако планы Минервы и ее законного супруга трещат по швам, когда в игру вмешивается не признающая ни договоренностей, ни доводов рассудка пылкая страсть...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Миранда Невилл

Рассудку вопреки

Miranda Neville

Confession from an Arranged Marriage

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Miranda Neville, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2013

Глава 1

Лондон, весна 1822 года

Лорда Блейкни не было в бальном зале. Его вообще не было в здании, но окажись он даже на корабле, направлявшемся в Америку, Минерву Монтроуз это бы нисколько не огорчило.

Когда дворецкий с непроницаемым выражением лица сообщил мисс Монтроуз, что его светлость нигде не могут отыскать, это мало удивило девушку. Если бы ее попросили назвать двух самых ненадежных в этом мире людей, маркиз Блейкни оказался бы первым в этом списке.

Не имело значения, что бал проходил в Вандерлин-Хаусе, лондонском особняке герцога и герцогини Хэмптон, а давали его по случаю официального представления свету Минервы Монтроуз. И уж конечно, не имело никакого значения, что Блейкни, единственный сын и наследник герцога, должен был вместе с ней открывать этот бал. Минерва слишком хорошо знала о необязательности молодого джентльмена, поэтому не огорчалась. Да и потеря партнера, один вид которого поверг бы в пучину зависти других дебютанток, не особенно расстроил ее.

– Думаю, Блейкни уже не появится.

Взгляд зятя Минервы, виконта Айверли, был исполнен такой искренней печали, что девушка невольно улыбнулась.

– Должно быть, ты впервые сожалеешь о его отсутствии, – заметила она.

– Я был бы просто счастлив никогда его больше не видеть.

– Хотя я не видела Блейкни уже почти два года, не думаю, что он изменился за это время.

Себастьян презрительно фыркнул:

– Должен заметить, уже в десять лет он был довольно заносчивым ослом с необоснованно высокой самооценкой, а впоследствии не изменился к лучшему. Он глупец, не способный произвести на свет ни единой стоящей мысли.

– Герцог и герцогиня умные люди. Как они воспитали такого сына?

– Возможно, нянька в детстве уронила его и он ударился головой.

Вражда Себастьяна с кузеном уходила корнями в их детство, и благосклонность Дианы, сестры Минервы, к старому сопернику лишь усиливала неприязнь Блейкни. Минерва обожала своего зятя и разделяла его мнение относительно умственных способностей Блейкни. В другое время парочка с удовольствием занялась бы веселым перечислением многочисленных недостатков последнего, однако сейчас Себастьяна занимала другая мысль.

– Как ты думаешь, наверное, я должен буду танцевать с тобой вместо него?

Минерва удержалась от побуждения поддразнить молодого человека, балансирующего на грани отчаяния.

– Только если не удастся найти мне другого партнера, желательно здравомыслящего и способного поддерживать разумную беседу. Блейкни, случись ему все же появиться, к несчастью, не обладает данными качествами.

Тоскливый взгляд Себастьяна вспыхнул.

– Член парламента от Гристлуика, полагаю. Интересно, этот парень понимает, что ты собираешься окрутить его и независимо от его собственных устремлений превратить в успешного государственного мужа?

Минерва опустила глаза с самым скромным видом, который, впрочем, не мог провести никого, кто знал ее достаточно хорошо.

– Мистер Паркс, если я не ошибаюсь, хочет стать премьер-министром, а я как раз могу этому поспособствовать.

– Что ж, удачи ему. А который из них?

Вечер только начинался, и бальный зал заполнился лишь наполовину. Присутствовали в основном начинающие политики, горевшие желанием доставить удовольствие герцогу, светские же модники предпочитали по-модному опаздывать. Равнодушно окинув взглядом наряды дам, Минерва выискала взглядом кучку поглощенных беседой джентльменов, стоявших подле ионических колонн, отделявших переднюю часть залы.

– Вон там, – указала она.

– Приземистый юноша с волосами песочного цвета?

– Я бы назвала их светло-каштановыми. Уж от тебя-то, Себастьян, я ожидала, что ты по достоинству оценишь человека, который культивирует в себе ум, а не внешность.

– Верю тебе на слово, что этот парень образец учености, но в данный момент он впечатлил бы меня, если бы подошел и пригласил тебя на первый танец.

– Он этого не сделает, поскольку уже ангажировал меня на второй.

Себастьян посмотрел на Миранду, его беспокойство не скрывали даже стекла очков.

– С кем же ты тогда будешь танцевать? Ты же не можешь просидеть первый танец на этом злосчастном балу, который дается в твою честь.

– Злосчастном? Если бы Диана не ждала прибавления, ты бы сам давал этот бал.

– Не напоминай мне.

– С твоей стороны было очень великодушно приехать из самого Кента, чтобы поддержать меня.

– Это Диана меня заставила, – буркнул Себастьян. Кроме того, она велела мне разузнать о последних веяниях моды. Ну как, черт побери, я с этим справлюсь? А теперь, похоже, мне еще и танцевать придется.

Минерва с шутливо преувеличенным сочувствием дотронулась до его руки.

– Бедный Себастьян. Но и меня можно пожалеть. Я бы предпочла беседовать со всеми этими членами парламента, а не открывать бал. Приободришься. Вот идет герцогиня. Возможно, она уже нашла мне партнера.

Девушка крепче схватила его за руку, не оставляя шансов на побег.

Хозяйка бала, надменная герцогиня Хэмптон, шелестя элегантным платьем изумрудного цвета, приблизилась к ним.

– Мне очень жаль, мисс Монтроуз, – сказала она. – Похоже, мой сын забыл о своем обязательстве. – Только крепко поджатые губы и большая, чем обычно, холодность в ее голосе выдавали степень недовольства дамы, но Минерва не сомневалась, что герцогиня, возмущенная неучтивостью Блейкни, едва сдерживает гнев. – Что ж, я думаю, все будет выглядеть вполне прилично, если на первый танец вы выйдете с другим членом нашей семьи. К сожалению, здоровье герцога не позволяет ему танцевать. – Ее взгляд остановился на племяннике мужа. – Айверли, ты должен взять на себя обязанности хозяина.

– Мне хочется убить Блейкни, – пробормотал Себастьян, ведя партнершу в центр зала. – И в этом нет ничего странного.

– Не беспокойся, – подбодрила его Минерва, – это всего лишь танец, а не пытка.

Благополучно пережив первый танец, Себастьян неторопливо направился к столу с прохладительными напитками, давая понять, что не намерен возвращаться на танцевальный паркет. Минерва готова была разделить его нелюбовь к танцам, правда, совсем по иной причине. Танцевала она прекрасно, но во время контрданса, на который ее пригласил мистер Томас Паркс, им не удалось перекинуться даже парой слов. Стоя в ряду напротив, она имела прекрасную возможность оценить приятную внешность молодого человека, которого давно уже выбрала в качестве потенциального мужа, ориентируясь на газетные заметки о

его многообещающей карьере. Роста он был среднего, но выше ее на два или три дюйма, и только такой высокий мужчина, как лорд Айверли, мог назвать мистера Паркса приземистым. Плотного телосложения, но не склонный к полноте, молодой политик был облачен в вечерний костюм, отличавшийся сдержанной элегантностью. «Песочные волосы», обрамлявшие умное лицо, были густыми, хорошо подстриженными и тщательно причесанными.

Обладая весьма скромным жизненным опытом, Минерва тем не менее знала, что красивые мужчины склонны к высокомерию и эгоизму. И это было одной из причин, по которым мысли о лорде Блейкни не туманили ее разум.

Мистер Паркс в свою очередь окинул ее внимательным взглядом и одобрительно улыбнулся. Как часто говорила ей Диана, мужчины чрезвычайно поверхностно судят о человеческих качествах женщины. В первую очередь на них производит впечатление эффектная внешность. Минерва всегда предпочитала, чтобы окружающие прежде всего ценили ее разум, однако, будучи реалисткой, понимала, что, поскольку свет находит ее хорошенькой, она должна дарить окружающим улыбки, в том числе и мистеру Парксу. И все же Минерва искренне надеялась, что молодого человека привлекает не только ее обаяние, но и ум и характер. Поэтому она уже не раз задумывалась, как скоро ей ждать официального предложения. Ей очень хотелось решить вопрос замужества до конца этого сезона. В самом скором времени, точнее, в течение нескольких следующих месяцев, велика была вероятность смены правительства, а значит, совсем скоро мистер Паркс окунется в нервную суету выборов. А это событие Минерва намеревалась встретить уже в качестве миссис Паркс.

Танец закончился, и молодой человек предложил ей руку, чтобы сопроводить обратно к леди Чейз, которая в отсутствие Дианы выполняла обязанности наставницы Минервы. Ее готовый сорваться с губ вопрос относительно ситуации в Ирландии умер, так и не прозвучав, ибо внимание мистера Паркса, впрочем, как и всех остальных гостей, внезапно обратилось ко входу. Через высокую двустворчатую дверь парадного входа в зал нетвердой походкой вошел джентльмен и тут же слегка поскользнулся на отполированном паркетном полу. Стоя от вошедшего всего в двадцати футах, Минерва отлично видела, как только что прибывший гость, стараясь сохранить равновесие, ухватился за плечо полногрудой дамы, которая так и застыла с распахнутым от возмущения ртом. Невозмутимо оттолкнувшись от дебелой матроны, джентльмен, не найдя иной опоры, небрежно прислонился к декоративному пилястру и хмуро оглядел присутствующих.

Он, как всегда, был великолепен. Прядь темно-русых, отливавших золотом волос нависала над густыми бровями. Трудно было найти более совершенной лепки нос и более тонко, но мужественно очерченные скулы. Полные, прекрасной формы чувственные губы были капризно надуты и полностью соответствовали выражению его темно-синих глаз.

Он всегда был чертовски красив, однако, увидев запоздалого гостя, Минерва едва не вздрогнула от отвращения.

Прибыл лорд Блейкни.

Осмотревшись еще раз, он задержал свой взгляд на ней. Его губы изогнулись в саркастической полуулыбке, и их взгляды скрестились с выражением взаимного недовольства. Блейкни с некоторым трудом оторвал спину от стены и вальяжной походкой подошел к девушке.

– Полагаю, это наш танец, мисс Монтроуз.

Он ничуть не изменился.

У Минервы возникло сильнейшее желание хлестнуть веером по этой самонадеянной физиономии.

– Лорд Блейкни, – произнесла она, с трудом сохраняя видимость учтивости, – полагаю, наш танец закончился уже более получаса назад.

– Не имеет значения, этот тоже подойдет.

– Милорд. – Мистер Паркс предвосхитил ее реплику, с коротким поклоном обратившись к Блейкни.

– Я вас знаю? – спросил тот, обернувшись.

– На прошлой неделе его светлость представил нас друг другу в «Бруксе».

– Ах да, припоминаю.

Явная ложь. Вряд ли его заинтересовал человек, с которым он не мог сойтись в фехтовальном поединке или на конных состязаниях. В подтверждение этой мысли Блейкни больше не обращал внимания на члена парламента от Гристлуика, а с преувеличенным вниманием начал прислушиваться к музыкантам, настраивавшим инструменты.

– Полагаю, намечается вальс. – Он предложил ей руку. – Пусть не говорят, что я пренебрегаю семейными обязательствами.

Изогнув губы в милой улыбке, Минерва процедила сквозь стиснутые зубы:

– Уверяю вас, милорд, у вас нет передо мной никаких обязательств. Мы состоим в настолько отдаленном родстве, что им легко можно пренебречь.

Любому стороннему наблюдателю могло показаться, будто девушка смотрела на Блейкни если не с восхищением, то с откровенной приязнью, и никто не заметил, как Минерва с сожалением взглянула на Паркса, который, коротко извинившись, оставил пару и с несколько преувеличенной деловитостью направился к группе джентльменов, окруживших министра внутренних дел.

Блейкни прищурился:

– Я имел в виду мои обязательства перед герцогом и герцогиней. Моими почтенными родителями и хозяевами этого бала.

Итак, он не потрудился даже притвориться учтивым. Хорошо.

Возможно, со времени их последней встречи манеры Блейкни не изменились к лучшему, но теперь, когда он стоял совсем близко, Минерва, к своему удивлению, обнаружила пока еще малозаметные изменения в его внешности. Он несколько постарел за то время, пока она жила в Вене, а Блейкни в Девонском поместье Вандерлинов. «Постарел», вероятно, не совсем точное слово – ему было всего двадцать девять или тридцать, – но он более не производил впечатления того цветущего юноши, который в свое время ухаживал за Дианой. Теперь Минерва отметила не только тонкую паутинку морщинок в уголках глаз, но и небрежно повязанный галстук и чуть длинноватые влажные волосы, ниспадавшие на высокий воротник белоснежной сорочки. Похоже, Блейкни давно не заглядывал к цирюльнику. А ведь еще совсем недавно его внешность была безупречна. Когда он предложил ей руку, Минерва уловила свежий аромат вербенового мыла, обильно одобренный запахом бренди.

Она все же попыталась создать хоть какую-то иллюзию беседы с этим олухом.

– Мне довелось танцевать предыдущий танец с мистером Парксом. Это истинный джентльмен с блестящим будущим. Кажется, ваш батюшка о нем весьма высокого мнения.

Блейкни повел ее в танце чуть энергичнее, чем того требовала музыка, и едва не сбился с ритма. Улыбнувшись, Минерва с удовлетворением отметила, что ее реплика явно раздосадовала партнера.

Он моментально исправился, едва заметно напрягши руку, тепло которой она ощущала даже сквозь плотный шелк платья. Танцевал Блейкни великолепно, неохотно признала Минерва, и это несмотря на то что был явно навеселе. На его левой скуле она разглядела крохотный участок небрежно выбритой кожи: похоже, Блейкни брился самостоятельно. Конечно, заметить подобную небрежность можно было, только танцуя вальс, в котором партнеры находятся не более чем в футе друг от друга.

– Вероятно, ваш камердинер не совсем здоров, а может, вы просто были не дома, когда переодевались к вечеру?

Дерзкий вопрос, граничивший с бестактностью, но в Блейкни всегда было нечто такое, от чего она теряла самообладание и начинала вести себя подобно невежественной дикарке.

Его губы изогнулись в порочной усмешке, а в глазах мелькнули злые искорки.

– Раз уж вы спрашиваете, мисс Монтроуз, я был на Генриетта-стрит в доме мадемуазель Дезире де Бонамур. – Он произнес эти слова, буравя ее насмешливым взглядом. По спине Минервы пробежал легкий холодок; отчего-то спокойный тон Блейкни совершенно не сочетался с его глубоким баритоном.

– Весьма гостеприимная дама. Когда я понял, что опаздываю, то ради экономии времени решил принять ванну вместе с ней.

Почувствовав, как краска заливает ее лицо, Минерва разозлилась на себя и едва не потеряла самообладание. Ее ни в малейшей степени не интересовала эта француженка, которую свет негласно провозгласил первой красавицей Лондона.

– Полагаю, упомянув о своей любовнице, вы пытались смутить меня, – сказала Минерва.

– Ни в коей мере, – спокойно ответил Блейкни, – просто хотел напомнить, что у меня есть более интересные занятия, чем потворствовать желаниям честолюбивой мисс.

– Тогда мы вполне сходимся во взглядах, – парировала Минерва. – У меня есть более достойные объекты внимания, чем испорченный бездельник без единой мысли в голове, не интересующийся ничем, кроме развлечений и охоты. – И одарила его милой и совершенно неискренней улыбкой.

– Охоты? Мисс Монтроуз, я сейчас думаю вовсе не об охоте.

Минерва не вполне поняла, что означала последняя реплика. Выросшая с четырьмя братьями, Минерва научилась успешно провоцировать вспышки гнева. Улыбка, которой она только что одарила Блейкни, могла довести любого из молодых Монтроузов до бешенства.

Она пристально вглядывалась в лицо своего визави, чтобы успеть погасить возможное проявление несдержанности.

– Мне не хотелось бы чрезмерно напрягать ваши мыслительные возможности, лорд Блейкни. Я умолкаю и намереваюсь молчать, пока мы не закончим этот тур вальса.

– Этим вы чрезвычайно меня обяжете, мисс Монтроуз, – усмехнувшись, прошипел Блейкни.

Потребовалась вся ее немалая сила воли, чтобы сохранить притворную самодовольную улыбку на лице и держать свои каблучки подальше от его туфель. Минерва уже не раз едва удерживалась от соблазна наступить на ногу этому грубияну. Она могла бы это сделать, совершенно случайно разумеется, если бы не понимала, что ее бальные туфельки из мягчайшего атласа вряд ли причинят ощутимую боль этому неуклюжему хлыщу. Ну ладно, не совсем неуклюжему. Даже будучи навеселе, Блейк двигался легко и непринужденно, и, кроме того первого промаха, ничто больше не свидетельствовало о его состоянии. Он улыбался так широко и открыто, что со стороны казалось, будто пара искренне наслаждается танцем, пребывая в полном и обоюдном согласии.

Они закончили танец, не обменявшись более ни единым словом.

Глава 2

– Блейк, старина.

Хорошо знакомая и совершенно нежелательная фигура преградила ему путь.

Вечер был окончательно испорчен. Мало того что ему пришлось посетить бал в доме родителей и танцевать с самой несносной особой из всех, кого ему доводилось знать; хуже того – он опоздал на этот проклятый бал, который его матушка давала как раз в честь этой самой особы. Ему было безразлично, что Минерва Монтроуз слыла самой прелестной дебютанткой Лондона. Его не интересовали дебютантки, а самое главное – совершенно не интересовала Минерва. Эта девица была для него источником постоянного раздражения, еще когда он ухаживал за ее сестрой. И когда Диана предпочла ему чертова Себастьяна Айверли, Блейкни утешился тем, что Минерва, к счастью, не станет его свояченицей.

И теперь еще это. И именно в тот момент, когда он оказался в относительной безопасности буфетной, собираясь принять стаканчик-другой горячительного в дополнение к тому бренди, который выпил у Дезире. Не вставая из-за стола, Блейк снизу вверх взглянул на своего врага, едва сдерживаясь, чтобы ударом кулака не размазать эти ангельские черты по ближайшей колонне.

– Хантли, – пробормотал он и холодно кивнул.

– Как дела, Блейк?

Не отвечая, Блейкни обернулся, взглядом отыскал лакея с подносом, подал тому знак и мимоходом отметил, что в буфетной комнате было слишком много гостей, жаждущих освежиться, и Блейк не мог ударить негодяя, не привлекая внимания.

– Даже не пожмешь руку старому школьному приятелю?

Блейк взял с подноса бокал и скривил губы в неопределенной гримасе. Хорошо, что руки у него заняты. Он боялся даже говорить, так как голос мог его выдать.

Хантли улыбнулся своей простодушной улыбкой, очаровывавшей многих, но только не Блейка.

– Рад тебя видеть. Тебя так долго не было в городе. Два года, не так ли? Твои друзья по тебе скучали.

– Неужели?

– Ты мог бы сообщить мне о своем возвращении.

– Чего ради?

– Понимаю, Блейк, ибо знаю, ты терпеть не можешь писать письма. Полагаю, со времен Итона твой почерк не улучшился.

– Именно поэтому ты был настолько любезен, подписывая от моего имени долговые расписки?

– Всегда готов помочь лучшему другу.

Словно ледяной ветер обжег сердце Блейка. Ему никогда не отвязаться от «своего старого школьного друга». Свой секрет он доверил мальчику, и вот уже взрослый мужчина доказал ему, как глупо полагаться на другого человека. Блейк сделал глоток вина и внимательно оглядел бывшего приятеля, чей вид производил лучшее впечатление, чем когда они встречались в последний раз. Хантли стал солиднее и явно одевался у хорошего портного. Впрочем, что же тут странного? Дела у этого пройдохи, без сомнения, шли неплохо.

– Чего ты хочешь, Хантли?

В ответ на этот несколько грубоватый вопрос старый знакомый жизнерадостно улыбнулся:

– Да ничего. Просто хотел бы возобновить нашу дружбу, поднять стаканчик, вспомнить старые добрые дни. Помнится, тогда ты называл меня Джеффри.

– Все меняется, Хантли.

– В школе ты не был таким заносчивым. В то время герцогский титул твоего отца не имел значения. Конечно, ведь ты во мне нуждался.

Интересно, почему во времена их школьной дружбы он никогда не замечал, что Хантли отъявленный лицемер? Если бы тогда он был чуть проницательнее, то давно бы понял, насколько непорядочен этот человек.

– Думаю, я более чем сполна расплатился за прежние одолжения, – ответил Блейк. – Что ты делаешь в доме моего отца?

– Меня пригласили. Разве ты не слышал? На дополнительных выборах в Уэстборо меня выдвинули в депутаты парламента. Я вхожу во фракцию герцога.

Если Хантли сумеет втереться в окружение герцога Хэмптона, Блейку никогда не удастся избавиться от этого мелкого паразита. Кроме того, даже минимальная степень доверия герцога к этому типу способна привести к несчастью.

Внешность Хантли располагала к доверию, но Блейка эти невинные округлые черты только раздражали. Хантли догадывался, что Блейкни нервничает, и делал все, чтобы он нервничал еще больше. Но Блейк решил разочаровать его, во всяком случае в данный момент.

– Прошу меня извинить. У меня договоренность на следующий танец.

– Понимаю. Тебя вновь призывает улыбка красавицы Монтроуз, а может, какой-то другой прелестницы?

Не удостоив его ответом, Блейк повернулся к мерзавцу спиной и направился к выходу.

– Приятно провести время, – бросил вдогонку Хантли. – Я пока побуду здесь.

Эта встреча иссушила последнюю каплю его хорошего настроения. День начинался так хорошо: отличное утро, восхитительный полдень в постели Дезире – все было просто великолепно. Пока он не вспомнил, что обещал матери присутствовать на этом проклятом балу.

Черт возьми, как ему хотелось немедленно оказаться на Генриетта-стрит и, бросившись в благоухающие объятия любовницы, снова почувствовать ее шелковистое тело. Она намекала на что-то новое, хотя целая неделя почти беспрестанных утех с Дезире совершенно опустошила его. Она была не только восхитительной любовницей, но и занимательным собеседником без всяких интеллектуальных притязаний. У нее он мог расслабиться и посмеяться, с ней он никогда не чувствовал себя глупым, хотя, наверное, это смешно, поскольку Дезире никогда не скрывала своих корыстных мотивов. А при виде ее Блейкни тут же совершенно глупел от любви. Впрочем, в этом не было ничего удивительного, поскольку целых два года в деревне он вел совершенно монашеский образ жизни.

И это все из-за негодяя Хантли, чьи непомерные требования вынудили Блейка удалиться в деревню, чтобы наконец оплатить долги. Правда, сельская жизнь в Девоншире порой доставляла ему удовольствие: Блейк нуждался в небольшом отдыхе, не омраченном притязаниями молодых леди, старых врагов и собственных родителей.

Если он уйдет сейчас, то сумеет избежать долгих нотаций отца и гневных упреков матери, которая не упустит случая выговорить ему за опоздание на бал. Возможно, он бы и решился на такой шаг, но Дезире ясно дала понять, причем самым соблазнительным способом, что очень хочет получить браслет в дополнение к тому рубиновому ожерелью, которое он уже ей подарил. Вот почему не стоило пока сердить своего старика сильнее, чем обычно, что, похоже, он делал одним фактом своего существования.

И все же будь он проклят, если вернется в бальный зал, где герцогиня тут же заставит его танцевать с разными девицами на выданье. А поскольку в буфетной торчал Хантли, Блейк решил поискать иного убежища.

Небольшая гостиная оказалась свободна, но стол, уставленный напитками, говорил о том, что скоро сюда придут. Настроение у Блейка было настолько отвратительное, что видеть ему никого не хотелось, поэтому он налил себе из открытой бутылки и скользнул за портьеру оконного проема. У высокого сводчатого окна царила приятная прохлада и спокойствие, представлявшие разительный контраст с залами, где было душно от разгоряченных тел и огня множества свечей. Здесь Блейк мог насладиться покоем и тишиной, а также основательно выпить, чтобы как можно спокойнее перенести встречу с отцом.

– Здесь никого нет.

Хорошо знакомый голос раздался, когда Блейк нацелился на второй бокал шампанского. Джеймс Лэмтон был практически единственным человеком, чьему обществу он бы обрадовался. Блейк совсем забыл, что и его друг собирался присутствовать на этом треклятом балу. Он слишком о многом сегодня забыл. Блейкни уже собрался покинуть свое убежище, но услышал женский голос:

– Да и подходящей мебели здесь нет.

Как забавно. У Лэма тайное свидание. А поскольку голос дамы он тоже узнал, то ему стала ясна и цель этого свидания, и какая именно мебель нужна этой парочке. Предпочтительнее, конечно, кровать, но и диван или даже большое кресло вполне сгодятся.

Ему самому пару раз случалось развлечься с этой дамой во время званых вечеров. Герцогиня Летбридж была немногим старше Блейка, но по своему опыту превосходила его на десятилетия. Произведя на свет троих сыновей, ее не менее распущенный супруг позволял ей делать все, что ей нравится. А нравились этой даме молодые люди. Насколько Блейку было известно, его друг еще не оказывал подобных услуг этой красивой и сладострастной даме.

– Нет, это не годится, – сказала она. – Куда еще мы можем пойти?

– В библиотеку во время бала никто не заходит.

– Времени остается мало. Я обещала подойти к премьер-министру. Встретимся в библиотеке через час.

Дальше дело пошло лучше. Следующие партнеры Минервы нравились ей куда больше. Молодой пэр, которого собирались были назначить помощником посла в Вене, с неподдельным интересом внимал ее рассказам о впечатлениях от этого города. Младший секретарь военного министерства также не обманул ее ожиданий. Тот факт, что герцог Хэмптон был одним из лидеров оппозиционной партии, не мешало членам правительства пользоваться его гостеприимством. Потом мистер Томас Паркс, непоколебимый сторонник фракции Хэмптона, пригласил ее еще на один танец.

– Должно быть, у него серьезные намерения, – заметила Джулиана, молодая маркиза Чейз, – поскольку он выбрал последний танец перед ужином.

– Мин, ты уверена, что не напрашивалась на приглашение? – спросила миссис Тарквин Комптон.

– В этом не было необходимости, – ответила Минерва, игнорируя язвительную реплику Селии Комптон. – Он поджидал меня по окончании предыдущего танца и остался бы и побеседовал со мной, но надеялся перекинуться парой слов с премьер-министром.

– Он предпочел тебе политика? Это ужасно! Ты должна тотчас прервать это знакомство.

Минерва рассмеялась:

– Я бы даже не взглянула в его сторону, если бы этот джентльмен не сумел воспользоваться такой возможностью.

– Мне придется тебя огорчить, – сказала Джулиана, – но, должно быть, твой мистер Паркс не сумел сделать этого, поскольку премьер-министр вальсирует с герцогиней Летбридж.

Три дамы с интересом посмотрели на красавицу в объятиях премьера. Минерва внимательно разглядывала наряд дамы, так как обещала помочь Себастьяну с отчетом о последних веяниях моды.

– Этот цвет можно назвать чисто-белым? – спросила она. – Думаю, оттенок чуть более кремовый, чем у моего платья, а возможно, и нет. Вот уж никогда не надела бы вышитый атлас. Сверху она практически обнажена.

Селия с ее либеральными представлениями о том, что прилично обсуждать с незамужней девушкой, издала звук, который невоспитанный человек назвал бы фырканьем.

– Едва ли герцогиню можно назвать дебютанткой. По словам Тарквина, она заводила интрижки с доброй половиной привлекательных мужчин Лондона.

– И с ним тоже?

– Он это отрицает, говорит, что недостаточно красив, чтобы она заинтересовалась им. Чепуха, конечно, но я рада, что у них ничего не было. А как насчет Каина?

Неодобрительно поджав хорошенькие губки, Джулиана тем не менее не смогла скрыть блеска в своих глазах.

– Никогда не выясняла. Лучше не знать, чем он занимался до того, как мы поженились.

Минерва окинула взглядом свое простое белое шелковое платье с верхней юбкой из прозрачного тюля и вышитые атласные туфельки. Взор ее вдруг затуманился, и тут же возникла легкая боль в глазницах.

– Проклятие, – пробормотала она, но недостаточно тихо.

– В чем дело?

– Все в порядке, Селия. Впрочем, пожалуй, нет. У меня начинается мигрень. Я узнала симптомы.

– В самом деле? – переспросила Селия. – Ты уверена, что это не та удобная головная боль, которая позволит тебе сбежать с бала и организовать заговор с целью ускорить падение правительства?

Минерва сумела изобразить подобие улыбки.

– Я исправилась. Все время, пока находилась в Вене, я ни разу не попала в неприятность. – Почти ни разу, добавила она мысленно. Не стоило волновать Джулиану. – Я не стала бы притворяться нездоровой во время бала, устроенного в мою честь. У меня не часто случаются приступы, но когда такое все-таки происходит, я часами мучаюсь от боли.

– Можно как-нибудь снять приступ? – спросила Джулиана.

– У меня с собой есть порошки. Иногда достаточно принять один и немного полежать, тогда приступ пройдет. Если меня не будет больше получаса, передайте мои извинения нашим хозяевам.

Полчаса и полбутылки спустя у Блейка появилась идея. В течение многих лет они с Лэмом подшучивали друг над другом. Так почему бы не сделать этого и сегодня?

Библиотека в Вандерлин-Хаусе, хотя и была меньших размеров, чем в МанDEVиле – шропширском поместье Хэмптонов, выглядела тем не менее достаточно обширной. Позолоченная лепнина сияла в приглушенном свете единственной масляной лампы. Проскользнув сюда из своего укромного уголка, Блейк не мог не оценить освежающую прохладу комнаты и приятный запах старых кожаных переплетов. Над тесно уставленными книжными полками тускло мерцали мраморные лики греческих и римских философов. В свое время, занимаясь в библиотеке с учителями, Блейк частенько мечтал когда-нибудь утереть нос этим самодовольным и ограниченным корифеям. Особенно греческим.

Боже, как он ненавидел все греческое, особенно греческий язык. Блейк поднес бутылку к губам и обнаружил, что она пуста.

Прищурившись, он прикинул, сумеет ли сбить с такого расстояния бюст ненавистного Платона. Крикетным шаром он сделал бы это довольно легко, а вот с тяжелой и плохо управляемой бутылкой из-под шампанского гарантировать успех было невозможно. Увлечшись этой мальчишеской идеей, он едва не упустил из виду тот факт, что находится в библиотеке не один. Женщина в белом лежала на оттоманке с высоким изголовьем, предназначенной для удобного чтения, как, впрочем, и для менее интеллектуальных занятий.

Герцогиня появилась раньше, чем было условлено.

Высокая женщина, широко расправив пышные юбки, полулежала на кушетке, касаясь бальными туфельками дубового паркета. Одна рука, затянутая в перчатку, прикрывала глаза, другая, обнаженная, театрально свешивалась к полу. Блейк очень сомневался, что дама спит. Скорее, предположил он, герцогиня таким образом приглашала Лэма принять участие в одной из своих маленьких игр.

К примеру, рыскающий в поисках добычи сатир находит спящую нимфу, или, что весьма уместно в обстановке библиотеки, – приходящий учитель соблазняет невинную дочь хозяина дома. Впрочем, Блейка мало занимали подобные мысли. Только не его, ведь большую часть прошедшей недели он провел в постели Дезире. К тому же сейчас он был изрядно пьян.

С другой стороны, будет забавно, если Лэм появится и увидит, что его место уже занято. По-детски, но очень забавно. Это даже лучше, чем если бы он застукал Лэма с поличным. Блейк бесшумно пересек комнату и присел у самой кушетки, разглядывая белые туфельки из шелка, украшенные изящной вышивкой. Не удержав равновесия, он опустился на колени, не отрывая глаз от завораживающих узоров, и наконец с некоторым трудом перевел взгляд на щиколотки герцогини. Очень хорошенькие. Блейк всегда имел слабость к аккуратным щиколоткам, хотя и не мог припомнить, чтобы обращал внимание на щиколотки Антеи Летбридж. Изящные, хорошо очерченные и обманчиво невинные в девственно белых чулках.

Кончиком указательного пальца он провел по косточке под шелком. Герцогиня не пошевелилась. Осмелев, Блейк осторожно погладил ногу, ощущая тепло кожи. Герцогиня слегка вздрогнула от его прикосновения. Блейк обхватил ладонью нежную лодыжку и подвинулся на пару дюймов выше. По ее телу прошла слабая волна возбуждения, а ноги немного раздвинулись, однако ритм дыхания несколько не изменился, и можно было подумать, будто женщина действительно спит.

Так, значит, все-таки спящая нимфа. Неплохая игра.

Обхватив руками ее щиколотки, Блейк медленно развел ноги герцогини в стороны и склонился поцеловать изящный подъем, потом, слегка подталкивая головой пышные юбки, провел губами по внутренней стороне голени.

Сладкий головокружительный аромат женщины подвиг его продолжить свое исследование. Возможно, сейчас он был не в состоянии завершить начатое, но попробовать стоило. И он точно знал, что дама оценит его внимание. Тихонько хихикнув, Блейк решительно приподнял юбки и нырнул под многослойный шелковый навес. Нежная кожа бедер касалась его щеки, и ее ароматный жар стал зовом боевой трубы для его естества. Похоже, сегодня вечером прекрасная герцогиня получит двойную порцию удовольствия.

Она пошевелилась и вытянула ноги, словно выходя из сонного состояния. В тот же миг Блейк услышал, как поворачивается ручка двери, и сразу же вспомнил о существовании старого друга. Черт побери Лэма. Он явился слишком рано.

– Что? – Вопрос был задан голосом, в котором смешались сонливость и замешательство, затем раздался короткий сдавленный крик. На его голову через юбки посыпались удары, и Блейк поспешно отстранился.

Опустившись на колено, он поднял голову и увидел перед собой разъяренное лицо мисс Минервы Монтроуз.

– Что вы делаете? – воскликнула она. Она лежала перед ним с бесстыдно задранными до самых колен юбками.

У Блейка слова застряли в горле, и он лишь беспомощно разевал рот. Так несколько долгих секунд они с ужасом смотрели друг на друга. Затем оба одновременно повернулись к двери.

В библиотеку вошла процессия, которая сделала бы честь предланчевому дефиле в Гайд-парке.

Его мать, герцогиня Хэмптон.

Лорд Айверли, его кузен, пожизненный враг и к тому же зять Минервы.

Леди Чейз и миссис Комптон, лучшие подруги Дианы – нынешней супруги Себастьяна и бывшей невесты Блейка.

Совершенно ошарашенный Джеймс Лэмтон.

Явно забавлявшаяся ситуацией герцогиня Летбридж.

И в довершение всего – леди Джорджиана Харвилл, самая известная сплетница Лондона.

Глава 3

Блейкни вошел в кабинет отца и остановился перед темным резным столом. Герцог встал при его появлении, но не сделал ни шага навстречу. Примерно в течение века этот кабинет, размерами превосходивший библиотеку, служил местом приема людей, обладавших хоть какой-то властью в Англии. В числе таких посетителей случались и монархи, как бывшие, так и будущие. Великолепная обстановка кабинета на памяти Блейка не менялась никогда. Она свидетельствовала о незыблемости могущества семейства Вандерлинов, с тех пор как первый герцог построил особняк на Пиккадилли. Нынешнему, четвертому герцогу слишком часто доводилось принимать в этом кабинете своего сына, и, как правило, для того, чтобы в очередной раз напомнить отпрыску о его несоответствии положению будущего главы влиятельного семейства. Многие приятели Блейка, похваляясь своими детскими проказами, вспоминали, как потом отцы охаживали их розгами, но герцог ни разу даже пальцем не тронул Блейка. Он вообще никогда к нему не прикасался, не важно, движимый гневом или любовью. Блейк порой думал, что предпочел бы вынести хорошую порку вместо бесконечных язвительных выговоров.

— Среди тех отвратительных проступков, которые ты совершил за свою жизнь, этот самый ужасный.

Тон герцога Хэмптона был таким же сухим и бесцветным, как и его лицо, бледное от бесконечных политических интриг, задумываемых и осуществляемых в тиши этого величественного кабинета.

— Ты проявил отвратительную распущенность в отношении добродетельной молодой леди. Несмотря на все совершенные тобой глупости, я все же не представлял, что ты настолько развращен.

Блейк не мог не согласиться со словами отца, но от этого насмешливое презрение герцога ощущалось не менее болезненно. Отец умел найти такие слова, что от боли и обиды Блейк готов был провалиться сквозь землю, тем более когда обвинения оказывались заслуженными. Сейчас он чувствовал себя самым последним ничтожеством.

— Я был пьян.

Хмель все еще метался в его голове, хотя Блейкни никогда не чувствовал себя более трезвым.

— Этот факт служит единственным твоим оправданием, хотя и весьма жалким. Когда ты решил провести два года за пределами Лондона, я предположил, что ты наконец вырос из детских штанишек и пришел к осознанию своей будущей ответственности. К сожалению, я ошибся, и этот факт меня крайне разочаровывает.

Блейк сжал кулаки за спиной, стоя в классической позе провинившегося школьника. Его чертовски раздосадовало, что слова отца заставили его опять почувствовать себя десятилетним мальчишкой. Вот только в то время он был слишком молодым и наивным, чтобы оказаться пьяным.

— Мисс Монтроуз не та юная леди, которую я выбрал бы тебе в качестве супруги. Я рассчитывал, что ты породнишься с одним из влиятельных семейств, как произошло у нас с твоей матерью, найдешь себе супругу, достойную носить титул герцогини Хэмптон. Однако ничего не поделаешь. Я не могу позволить, чтобы мой сын оказался замешан в столь отвратительной истории с молодой девушкой.

Блейкни хотелось возразить, но не потому, что он был не согласен с оценкой герцогом этой действительно двусмысленной ситуации, а потому, что отец возлагал это тяжкое бремя на себя и все семейство.

– Отец мисс Монтроуз мой ближайший сосед, а ее сестра – супруга твоего кузена. Кроме того, эта юная леди – гостья герцога и герцогини Хэмптон, а значит, брак остается единственной возможностью избежать скандала и реабилитировать репутацию бедняжки Монтроуз. Итак, свадьба состоится через месяц.

Дверь тюремной камеры грозила захлопнуться, и Блейк с трудом обрел голос.

– А почему не завтра? – с горечью спросил он.

Герцог посмотрел на него с видом «не-могу-поверить-что-мой-сын-настолько-глуп».

– Очень рассчитываю, что медовый месяц приведет к нужному результату и мисс Монтроуз понесет, тем самым будут сняты все вопросы относительно ее досвадебной добродетели, а происшествие в библиотеке забудется.

– Простите, сэр, вам не кажется, что разговор о беременности слегка преждевременный?

Блейк еще не осознал того факта, что ему предстоит стать мужем. У него мутился рассудок при мысли о том, кто именно станет его невестой. А отцовство вообще казалось припугнутым за уши.

– Надеюсь, что нет. Нам нужен наследник. В течение последних веков у Вандерлинов рождалось слишком мало сыновей. Я не имею ничего против Томаса Вандерлина, но он лишь троюродный кузен, а я предпочитаю, чтобы герцогство передавалось по прямой линии. Самое хорошее в мисс Монтроуз – то, что женщины ее семейства рожают сыновей. У ее матери их четверо, а у сестры уже двое всего за два года брака. И теперь она снова ждет прибавления.

Потрясающе, как его светлость мог говорить о самых деликатных вещах таким же сухим и холодным тоном, каким наставлял своих политических подопечных, как именно голосовать в парламенте за тот или иной билль. От хорошо скрываемого удовлетворения, звучавшего в голосе герцога, Блейку стало слегка не по себе. Как ни мало нравилась ему Минерва Монтроуз, она, несомненно, заслуживала лучшего к себе отношения, а не восприятия ее как производящей особи.

– Может, есть какой-то иной выход? – Блейк никогда не оспаривал решения отца ни по какому поводу, однако сейчас стоило попытаться. – Я готов понести ответственность, но у меня нет оснований считать, что мисс Монтроуз согласится выйти за меня.

– Не согласится выйти за тебя? Я нахожу это маловероятным. – И прежде чем Блейк решился воспринять реплику отца как комплимент в свой адрес, тот решительно покачал головой. – Если эта юная леди откажется от союза с будущим герцогом Хэмптоном, я весьма и весьма разочаруюсь. Какого бы мнения мисс Монтроуз ни была о тебе, она должна испытывать уважение к твоей семье и твоему будущему положению. Твоя матушка весьма высокого мнения о ее уме, иначе она никогда бы не предложила устроить бал в ее честь.

– Мне жаль, что она это сделала.

– Я обговорю с Айверли все детали. Твое содержание будет тотчас увеличено, а с рождением наследника возрастет еще больше.

– То есть в этом вопросе мне будет предоставлена самостоятельность? Неужели ты готов признать: есть нечто, что вы с Себастьяном не можете устроить без меня.

– Я полагаю, зачать сына – это в пределах твоих способностей. Тем более что твоя будущая жена довольно милая девушка.

Блейк не мог оспаривать красоту своей невесты, но его собственная роль племенного жеребца нисколько не воодушевляла его.

Его оставляла абсолютно равнодушным вся ее английская бледно-розовая внешность, умиротворяющее совершенство светлых волос и небесная голубизна глаз, а постоянные язвительные насмешки и вовсе выводили Блейка из себя. Он подумал о Дезире: восхитительно яркая темноволосая красавица, опытная и обворожительная. Черт с этими рубино-

выми браслетами, он направится напрямик к ней, как только удастся закончить этот разговор.

– И еще одно.

Герцог, чуть приподняв руку, дал понять, что разговор не закончен.

– Сэр?

– Твоя любовница. Ты должен с ней расстаться.

– Проклятие, сэр. Но почему?

– Общество должно думать, что этот брак совершается по любви, поскольку иных оснований для женитьбы на мисс Монтроуз у тебя нет. Надеюсь, что расставание с французской женщиной ты перенесешь достаточно легко, ведь, насколько мне известно, ваша связь длится всего неделю или две.

Три. Три недели назад ему удалось обойти как минимум дюжину соперников в состязании за благосклонность Дезире, и эта гонка оказалась не менее возбуждающей, чем хорошая охота на лис. Но его иссушенному властью отцу этого никогда не понять. Блейк сомневался, была ли у его отца когда-либо любовница. Наверное, герцог Хэмптон всю жизнь был слишком занят политикой, чтобы поддаваться слабостям плоти.

Если он повинуетсЯ своему отцу, то его ждет мрачное будущее. Вместо наименее приятной связи с опытной и изобретательной Дезире он будет приговорен делить постель с острой на язычок, но наверняка холодной английской девицей, которая понятия не имеет, как доставить мужчине удовольствие, и вряд ли заинтересована в том, чтобы этому научиться.

Будущее Минервы неожиданно вырвалось из-под ее контроля и подернулось туманом неопределенности, а ее честолюбивые планы оказались на грани полного краха. Теперь она не могла управлять ходом собственной судьбы, поскольку все зависело от такой тонкой и деликатной субстанции, как ее репутация. Диана часто говорила, что леди должна оберегать свою репутацию, словно маленького незащищенного ребенка. В прошлом уже возникали такие ситуации, когда Минерва подвергала этого ребенка риску, хотя и не очень серьезному, позволяя ему лишь слегка промочить ножки. Но все эти случаи заканчивались благополучно, ни она сама, ни ее репутация по большому счету не пострадали.

Никогда раньше не происходило ничего, что могло сравниться с ситуацией в библиотеке, где не менее полудюжины свидетелей застали Минерву с мужчиной, головой зарывшимся в ее юбки. И ведь ее вины в этом не было никакой, разве что не стоило принимать сразу два порошка, тогда бы она не задремала на той проклятой оттоманке. Несправедливость ситуации преобильно ударяла девушку в самое сердце, а злая насмешка судьбы заключалась в том, что Минерва порой разыгрывала такие приступы головной боли в своих собственных целях.

Проклятие!

На следующий после бала день ее друзья собрались в утренней гостиной особняка лорда Чейза. Каждый хотел отыскать возможность сгладить последствия пьяных приставаний лорда Блейкни, не вынуждая Минерву выходить за него замуж.

– Тебе нет необходимости выходить за него, – горячился Себастьян.

Селия Комптон была столь же неистовой.

– Мы всегда будем тебя поддерживать, не правда ли, Тарквин? – обратилась она к мужу, который согласно кивнул, но Минерва отметила некоторую сдержанность такого ответа. Нет, он лично не отречется от нее, но Тарквин Комптон лучше всех присутствовавших представлял себе мнение света.

Джулиана налила ей чашку чая, молча выражая свое сочувствие. Без особой на то необходимости она уже принесла тысячу извинений, что не сумела справиться со своей ролью

наставницы. По мнению Минервы, винить было некого, кроме лорда Блейкни. И она обвиняла его. Как мог он так обозначиться?

– Жаль, что Дианы нет с нами, – сказала Минерва. – Она бы знала, как поступить.

– Согласен, – вздохнул Себастьян. – Если бы она не осталась в деревне, мы бы давали бал у себя и всего этого не случилось бы, потому что, – его голос внезапно стал злым, – я бы не пустил Блейкни даже на порог, и плевать на то, что он приходится мне кузеном.

Он оставил недосказанным то, что умудрился наградить Диану очередным наследником в рекордно короткое время после рождения их второго сына, Николаса Дженсона Айверли. Благодаря супругу Диана теперь боролась с приступами тошноты в поместье, вместо того чтобы опекать свою сестру в Лондоне.

– Тебе нет необходимости выходить за него, – снова произнес Себастьян, словно повторение могло заставить Минерву в это поверить.

Джулиана в очередной раз подошла к окну.

– Я вижу Каина. Сейчас мы узнаем, что думает по этому поводу леди Моберли.

Лорд Чейз, который в кругу друзей был известен как Каин, отправился разузнать мнение своей тетки, известной светской львицы.

– Ну что? – почти в унисон воскликнула четверка, приветствуя его появление. И только Минерва промолчала. Теперь она представляла, что чувствует подсудимый в ожидании вердикта присяжных. Она поднялась со стула и пристально посмотрела на маркиза.

Каин не проявлял свойственной ему веселости и очарования; подняв на нее свои неприлично серьезные голубые глаза, он покачал головой:

– Мне очень жаль, Минерва. – Она даже порадовалась, что он не стал ходить вокруг да около. – Моя тетушка полагает, что тебя перестанут принимать в обществе, если только Блейкни на тебе не женится.

– Неужели она считает, что я могла позволить ему подобное?

– Это не имеет значения. Ни единая душа в Лондоне не верит, что ты осталась невинной или хотя бы сопротивлялась ему. Точнее, ни единая душа не хочет этому верить. Слишком пикантная история.

– Думаю, ее распространяет леди Джорджиана Харвилл. Она всегда терпеть не могла Диану.

– Эту историю рассказывают за чашкой чая. Говорят, будто ты, сославшись на головную боль, отправилась в библиотеку на встречу с Блейкни.

– Это нелепо. Мы даже не нравимся друг другу. Наверняка Блейкни постарается исправить положение, избежав при этом женитьбы. – Она почти выплюнула последние слова.

Тарквин высказал свое мнение:

– Как джентльмен он не может поступить иначе. Ты, конечно, вольна отказать ему, но люди это запомнят. И твое имя навсегда останется запятанным.

Казалось, стены просторной комнаты Чейзов сомкнулись вокруг Минервы, когда она начала ходить взад и вперед, размышляя о своем безрадостном будущем. Ее ожидала жизнь, совершенно не похожая на ту, которую она планировала с момента, когда начала увлекаться политикой в самом раннем возрасте. Читая сообщение о речи Байрона в палате лордов, которую тот произнес в поддержку луддитов, Минерва открыла для себя мир несправедливости, лежавший за пределами уютного и спокойного мирка МанDEVиль-Уоллоп. И с той поры загорелась желанием оставить свой след в этом мире. Неужели вместо наполненной смыслом жизни бок о бок с супругом, все свои силы отдающим на благо страны, она должна выйти замуж за беспутного повесу, с которым у нее нет ничего общего?

То, что после заключения брака она станет герцогиней, значило для Минервы очень немного. Дни аристократии пройдут, возможно, уже прошли. Совсем скоро власть будет

принадлежать смелым, блестящим, талантливым людям, тем, кто сделал себя сам. И Минерва хотела стать одной из них.

Селия и Джулиана принялись ее утешать.

– Блейкни всегда был очень мил со мной, – настаивала Селия. – Тем летом в МанDEVиле у меня не возникло ни малейшего повода испытать неприязнь.

– Я никогда не считала его таким глупым, как думают некоторые, – вторила ей Джулиана, – хотя он не в состоянии отличить Библию Гутенберга от романа издательского дома «Минерва Пресс».

Леди Чейз склонна была оценивать людей по тому, насколько они знакомы с древними книгами.

Себастьян неодобрительно прислушивался к этим утешающим причитаниям, которые сама Минерва находила весьма неубедительными.

– О, женщины! Всегда готовы оправдать беспутного красавчика. – Он сам так и не смог простить Блейкни ни попытку жениться на Диане, ни даже старые детские обиды. – Я вызову этого негодяя на дуэль и убью его.

– Я понимаю твои чувства, старина. – Тарквин успокаивающим жестом коснулся плеча Себастьяна. – Но этим ты добьешься еще большего скандала и навредишь своей семье. А положение Минервы от этого не улучшится.

– А как насчет этого молодого человека, Мин? Паркс, не так ли? Разве он не хочет на тебе жениться?

– Наши отношения еще далеки от этого. Мы знакомы всего пару недель.

– А если мне поговорить с ним? Я могла бы пообещать ему хорошее приданое и всяческую поддержку в плане связей.

Минерва сомневалась, что Паркс на это согласится, и она бы перестала его уважать, если бы он так поступил.

– Я думала, что помогу ему в его политической карьере, однако в нынешних обстоятельствах я только помешаю его продвижению. – Она покачала головой, совсем упав духом. – Блейкни погубил мою репутацию, и, значит, у меня нет выбора.

Глава 4

Помолвка маркиза Блейкни и мисс Минервы Монтроуз, призванная компенсировать предшествовавшее скандальное происшествие, была проведена с соблюдением всех должных приличий и формальностей. Некоторые из них оказались для Блейка более терпимы, чем другие.

Самым неприятным стало то, что ему пришлось просить благословение у Себастьяна Айверли на брак с его свояченицей. Герцог понимал: в данных обстоятельствах потребовалось бы слишком много времени, чтобы обратиться к отцу Минервы, пребывавшему в Шропшире. Поэтому в отсутствие мистера Монтроуза Себастьян выступил в роли главы семейства и благословил брак, хотя при этом весь его вид говорил, что он предпочел бы придушить Блейка.

Это чувство, как и всегда, являлось взаимным.

Сватовство происходило в доме маркиза Чейза на Беркли-стрит в присутствии герцога Хэмптон и лорда Айверли.

Блейкни попросил Минерву (к счастью, на колени опускаться не пришлось) удостоить его чести стать его супругой.

Невеста, присев в поклоне, отвечала, что для нее это большая честь.

Жених просил ее не томить его неизвестностью.

Она приняла его предложение.

Он выразил свое непомерное облегчение, что она снисзошла до того, чтобы сделать его счастливейшим из людей.

Невеста протянула ему руку.

Жених поцеловал ее, весьма поспешно.

Хорошо поставленная сцена прошла без малейшей заминки, и все происходящее могло удовлетворить самого строгого блюстителя нравственности.

Последняя надежда, что Минерва Монтроуз предпочтет любую альтернативу браку с мужчиной, неприязни к которому она не скрывала, окончательно рухнула. Если чуда не случится, он и эта несносная девица вскоре на всю оставшуюся жизнь будут связаны узами брака.

Была в лондонской жизни одна особенность, к которой Минерва никак не могла привыкнуть: в соответствии с принятыми нормами даже на крайне малые расстояния приходилось ехать в экипаже. Нетерпеливая по натуре, она предпочитала ходить пешком, не обращая внимания на то, что приходилось перепрыгивать через канавы и обходить кучки, оставленные лошадьми. В этот вечер короткое расстояние от Беркли-сквер до Вандерлин-Хауса на Пиккадилли гораздо быстрее было преодолеть пешком; огромная телега пивовара и элегантный фэзтон с откидывающимся верхом надолго заблокировали выезд с площади.

Таким образом, у Минервы появилась возможность провести несколько минут наедине со своим женихом, который, чтобы сопроводить ее на семейный обед, прибыл, как и полагалось, в экипаже с ливрейными лакеями на запятках.

Карета была просторной, что позволяло обрученным избежать опасности физического контакта. Минерва рассеянно смотрела в окошко, за которым продолжалась ленивая перебранка возницы и кучера, конца которой не было видно.

— Когда вы ожидаете прибытия Дианы? — неожиданно спросил Блейкни, прерывая напряженное молчание.

— Не раньше завтрашнего вечера. Возможно, послезавтра. Хуже всего ей бывает по утрам, и Себастьян не позволит ей отправиться в путь, пока она не почувствует себя лучше.

– Мой кузен весьма заботливый супруг.

– Это действительно так. Они с Дианой очень счастливы.

Блейк то ли не уловил ее вызывающего тона, то ли предпочел проигнорировать его.

– У меня создалось впечатление, будто наши родственники сговорились не оставлять нас наедине. Я ожидал, что в отсутствие Айверли у вас будет другой сопровождающий.

Минерва обернулась и впервые посмотрела ему в лицо. Его безупречные черты не выражали ровным счетом ничего, но это спокойствие наверняка было показным. Он ведь должен был что-то испытывать – гнев, или сожаление, или то и другое одновременно.

– Неужели мне грозит опасность быть похищенной прямо на улице Лондона?

Провокация достигла своей цели – Блейк едва заметно поморщился.

– Ни в коем случае, – ответил он. – Я хорошо усвоил урок.

– Вы хотите сказать, что осознали необходимость сперва убедиться, что перед вами именно та женщина, прежде чем начать... – Она умолкла, не зная, как поделикатнее выразиться.

– Именно.

– У вас это вошло в привычку – ускользать из бального зала, чтобы заняться?..

Минерву начало раздражать, что ее словарного запаса не хватало не только для участия в подобном разговоре, но и для того, чтобы поддерживать его на минимальном уровне. Ей известны были некоторые слова для обозначения подобного рода занятий, но их запрещалось произносить в приличном обществе.

– Интересно, вы, когда напиваетесь, всегда пытаетесь... сделать «это» с дамами, отдыхающими в библиотеках? Господи, вы засунули голову под мою...

– Нет, – прервал Блейк ее напыщенную тираду. – Я так не делаю. И мне очень жаль. Я должен перед вами извиниться.

– Да, – ответила Минерва, – должны.

– Я пытался возместить ущерб единственным доступным мне способом.

– Хотелось бы мне ответить, что я ценю вашу попытку, но брак с вами не являлся целью всей моей жизни. – Минерва подавила свой гнев и добавила уже мягче: – Думаю, в ваши планы женитьба тоже не входила.

– Нет, но, так или иначе, жениться я должен. Я был помолвлен однажды... – Он умолк.

– Вы собирались упомянуть о предложении, сделанном моей сестре?

– Да, – ответил он. – Но я подумал, что, вероятно, это выглядит бестактно.

– Бестактно или нет, но тот факт, что некогда вы были помолвлены с Дианой, нельзя взять и вычеркнуть из жизни. Вы все еще любите ее?

– Нет.

Минерва ему верила. На самом деле она никогда не думала, что он влюблен в Диану. Побудительным мотивом для его короткой неофициальной помолвки с ее сестрой стало состояние, которое Диана унаследовала от своего первого мужа. Однако Блейкни, несомненно, был ею увлечен: как же, еще одна темноволосая красавица, так похожая на его нынешнюю любовницу.

Сама Минерва обладала совершенно другой внешностью. И никогда в жизни ей не приходила в голову мысль завоевать внимание Блейкни. Она всегда находила его внешне приятным, даже красивым. По правде говоря, во всей Англии трудно было отыскать более красивого мужчину. Но в нем не имелось ни одного из тех качеств, которые она хотела бы видеть в своем супруге, да и Блейк, по-видимому, не испытывал ничего, кроме разочарования.

– Послушайте, – начал маркиз, – похоже, нам придется пожениться, хотим мы этого или нет. Может, попробуем начать вести себя более любезно?

Разумное предложение, но Минерва еще не готова была его принять. Она смотрела прямо перед собой, плотно сжав губы. Все еще тлевший в ее душе гнев не позволял здравому смыслу перевести отношения со своим будущим супругом в приемлемое русло. В сумрачном замкнутом пространстве экипажа она остро ощущала его мужскую привлекательность, и, конечно же, не могла не думать о том, что ее ждет после свадьбы. Теоретически ей было известно, что происходит в супружеской постели, но главным образом ее занимали менее интимные аспекты замужнего состояния. По коже Минервы пробежал холодок, когда она вспомнила, как, проснувшись, ощутила прикосновение мужских рук к своим бедрам. Боже праведный! Несколькими дюймами выше, и...

Неужели она сможет вынести этот брак? Не лучше ли было ответить отказом и пережить последствия? Всем сердцем ей хотелось повернуть стрелки часов вспять и вернуть то воодушевление, с которым она приехала на бал в Вандерлин-Хаус. Она твердо намеревалась устроить свое будущее, причем в полном соответствии с планами, которые вынашивала в течение многих лет. Однако из-за этого беспутного пьяницы все пошло прахом. Минерва сморгнула подступившие слезы и грустно вздохнула, продолжая хранить молчание.

Блейк протянул руку и накрыл ее пальцы своей ладонью, Минерва непроизвольно вздрогнула, и он, словно обжегшись, тут же отдернул руку.

– Простите, но почему вы согласились на мое предложение? Я ожидал отказа.

– Вам хотелось, чтобы я отказала, хотите сказать. Мне очень жаль, но каким бы трудным ни являлось для меня это решение, все же замужество кажется предпочтительнее пожизненной ссылки в деревню.

– Вот уж не думал, что вас так волнует мнение света. Я был свидетелем того, как вы демонстрировали едва ли не пренебрежение к своей бесценной репутации. Например, когда вас арестовали за посещение собрания мятежников.

Тон Блейка перестал быть примирительным. Плохо, что ему известно о некоторых проблемах, имевшихся у нее в прошлом. Тогда полиция устроила облаву на собравшихся сторонников политических реформ, и Минерва оказалась среди арестованных.

– Мой арест являлся совершенно незаконным, – сердито возразила она. – К тому же эту историю удалось замять. Но то, что вы натворили в библиотеке, замять невозможно. Теперь мне не удастся претворить в жизнь ни один из своих планов. Вы хоть понимаете, что я собиралась обручиться с человеком, которого ожидает блестящая политическая карьера? Очевидно, теперь я никому не смогу принести пользу. Меня будут воспринимать лишь как приложение к маркизу Блейкни.

– Мне очень жаль, – вновь произнес он. – Я могу хоть как-то реабилитироваться?

– Только если вдруг захотите стать премьер-министром.

Было заметно, как он передернулся.

– Упаси Господь.

Так она и думала.

Несмотря на то что это был скромный семейный обед, полдюжины ливрейных лакеев в париках обслуживали пятерых обедавших. Части обеденного стола были удалены, уменьшив его до скромных размеров, что делало столовую в Вандерлин-Хаусе с ее позолоченным кессонным потолком и богато украшенными бархатными порттьерами похожей на пещеру. Блейк не мог припомнить, чтобы обеды здесь проходили в празднично веселой атмосфере, и не рассчитывал, что сегодняшний станет приятным исключением.

Герцог занял место во главе стола, в кресле, напоминавшем трон. Когда Блейк и его сестры только делали первые шаги и пытались исследовать чудесный мир за пределами детской, Блейк иногда забирался в это кресло, изображая короля и требуя, чтобы девочки при-

седали перед ним в реверансе. Иногда они так и делали, особенно Аманда, самая младшая. Старшие девочки относились к нему с меньшим почтением.

Ни одна из его сестер не присутствовала на торжестве, посвященном его обручению. Помимо Минервы, единственным гостем стал его зять Гидеон Лоутер, муж Марии и парламентский ставленник герцога.

Минерва сидела на почетном месте справа от «трона», и герцог уделял ей самое лестное внимание. В нем было немало старомодного обаяния, вот только проявлял он его довольно редко, и никогда к собственному сыну. Конечно, герцогу было кое-что от нее нужно. Блейк почувствовал, как его губы непроизвольно кривятся в презрительной усмешке. Лоутер и герцогиня уже увлеченно обменивались политическими сплетнями, и Блейк прислушался к тому, что говорил отец. Герцог, улыбаясь Минерве, пытался выяснить, какой суп предпочитает его невестка, *a la reine* или *a la russe*.

– Слугам должны быть известны ваши предпочтения, – говорил герцог.

– Благодарю вас, ваша светлость. Вы очень любезны.

– Не стоит благодарности. Поскольку принимать пищу необходимо, нужно, чтобы еда доставляла удовольствие, особенно домашняя. Вандерлин-Хаус, конечно же, станет вашим домом, где вы будете проводить большую часть времени.

– Полагаю, ненадолго.

– Менее чем через месяц вы переедете сюда, и мы станем жить под одной крышей. Если вам потребуются какие-то перестановки или новая мебель, отдайте распоряжения мажордому. Полагаю, после обеда герцогиня покажет вам комнаты.

Блейк, сделав плоток, едва не поперхнулся вином.

– Здесь, сэр? Здесь? Мы не намереваемся жить в Вандерлин-Хаусе.

– Конечно же, вы будете жить здесь. Места здесь много, а твоя матушка сможет наставить Минерву относительно ее будущих обязанностей. Как и тебя. Тебе пора принимать более активное участие в делах семьи. Учитывая то, что выборы, вполне вероятно, состоятся уже в этом году, вам с Гидеоном следует поработать над нашими планами на будущее.

– Если вам требуется моя помощь, позвольте мне заняться управлением Мандевиля. У меня это неплохо получалось в Девоне.

– Жить в деревне, Блейкни? Неужели ты не способен думать ни о чем ином, кроме лошадей и охоты? Вам ведь, моя дорогая, не хочется уезжать из Лондона, не так ли?

Вопрос герцога остался риторическим, поскольку Минерва не могла ответить на этот вопрос, не возразив одному из мужчин.

– Естественно, часть года мы будем проводить в Лондоне, – сказал Блейк и мысленно пообещал себе: «Очень небольшую часть».

– Долг герцогов Хэмптонов – служение стране, и так было всегда. Пора с большим уважением относиться к семейной традиции. Ведь за тобой наше будущее.

– А если я не хочу следовать традиции? Если я вижу для себя другое будущее?

– История гораздо величественнее, чем мелочные заботы одного человека. – Отец сердито смотрел на Блейка. Взгляд выцветших голубых глаз все еще по-юношески задорно сверкал на его пергаментном лице. – Я не допущу, чтобы работа поколений Вандерлинов прервалась с моим уходом.

Вот почему герцог хотел, чтобы они находились здесь, почему хотел этого брака. Наследник, отвечающий интересам и чаяниям самого герцога. Похоже, главу семейства уязвлял даже тот факт, что Блейк, на которого он никогда не возлагал особых надежд, должен был стать средством достижения этой цели. При этом у Блейка не возникало сомнений, что отец захочет его контролировать.

Но Блейк не собирался жить в Вандерлин-Хаусе и ежедневно выслушивать нотации от Гидеона. И поделом будет герцогу, если окажется, что Минерва не обладает семейной

способностью производить на свет сыновей. Однако спорить было бессмысленно, и, безразлично пожав плечами, Блейк занялся своим супом. Он предпочел консоме другим супам, лениво размышляя, нет ли в этом выборе некого каламбура. Консоме... консумация...

Существовал один надежный способ расстроить планы герцога относительно этого брака.

А вокруг уже велись разговоры, которые Блейк слышал на протяжении всей своей жизни. Кто займет ту или иную должность? Кто получит сан епископа или будет назначен послом? Как имярек проголосует по поводу того или иного билля? Кто получит в парламенте место, контролируемое семейством? Кто заслуживает быть избранным в один из «карманных» округов Вандерлинов? Блейк обращал мало внимания на эти разговоры.

Что предпримет герцог, если по истечении года, а то и двух лет Минерва не родит? Станет обвинять в этом своего никчемного сына? Обычно в подобных случаях в бесплодии винят женщину. Сквозь его мысли пробилося возникшее в разговоре имя.

– Напомните мне, Гидеон, кого мы поддерживаем в Уэстборо? – обратился к зятю герцог.

– Джеффри Хантли.

– Он может себе это позволить?

– По-видимому, да, поскольку ведет избирательную кампанию на собственные средства. Если Хантли все же не победит в Уэстборо, я думаю, мы поищем для него более простой участок. Выборы обходятся недешево, и я рад, что на этот раз нам не придется нести расходы.

Герцог одобрительно кивнул, и Блейка позабавила сложившаяся ситуация. Ему хотелось бы поведать своему надменному отцу, что на самом деле это он оплачивает участие Хантли в выборах посредством содержания, выплачиваемого своему сыну, откуда деньги переходят в карман Хантли.

Обед продолжался, Блейк изредка вставлял скупые реплики, зато его невеста жадно впитывала все разговоры. Минерва всегда живо интересовалась политикой, в этом отношении она была истинной Вандерлин, поэтому время от времени девушка отваживалась вставлять замечания, которые, к ее удовольствию, принимались с одобрением и поощрением.

Блейку пришлось признать, что искренний интерес значительно оживил пресноватую красоту Минервы. Он всегда знал, что она умна, как и ее сестра, хотя Диана старалась не демонстрировать свой ум, и только поэтому Блейк собирался жениться на ней. Как и его чертов блестящий кузен, которого предпочла Диана.

Сколько Блейк себя помнил, он всегда задавался вопросом, почему именно ему довелось оказаться единственным недоумком в семействе, все члены которого славились своим умом. Возможно, если он откажется от титула в пользу кузена, то тем самым окажет своему роду большую услугу. Наверное, его невеста не станет противиться такому решению. В карете Минерва ясно дала понять, что не собирается прощать его, и когда он коснулся ее пальцев, девушка с видимым отвращением отдернула руку.

Он полагал, что Минерва не выразит недовольство, если он не консумирует их брак. Черт возьми, она, наверное, только обрадуется, если Блейк откажется от своих прав в супружеской постели.

Минерва хорошо знала главное сельское поместье герцога Хэмптона. Она выросла в небольшом имении по соседству. Первое же посещение Вандерлин-Хауса ошеломило ее. Она с трудом осознавала, что одна семья могла владеть столь огромным зданием в центре Лондона, где даже такие богатые фамилии, как Чейзы и Айверли, жили в относительно скромных, хотя и просторных домах. Резиденция на Пиккадилли была настолько грандиоз-

ной, что могла вместить население небольшого городка, и, судя по количеству ливрейных лакеев, так оно и было.

Поскольку Диана уехала в сельское поместье, герцогиня предложила устроить бал в честь Минервы в Вандерлин-Хаусе, и это ее нисколько не испугало. Однако совсем другое дело – постоянно жить в таком позолоченном дворце. Нет, это просто нелепо.

Каждая комната словно была создана для того, чтобы произвести подавляющее впечатление, и являла разительный контраст с домом, где прошло ее детство – несколько обветшавшим, но очень уютным Уоллоп-Холлом с его низкими потолками, маленькими комнатами и множеством собак.

Минерве стало немного тревожно.

С момента печального происшествия в библиотеке она упорно отказывалась заглянуть за пределы свадебной церемонии и задуматься о том времени, когда станет маркизой Блейкни. Между этим событием и всей последующей жизнью Минервы лежала консумация. Конечно, супружеские отношения интересовали ее, но скорее в академическом смысле. Ведь считалось, что в известной мере каждая юная леди должна иметь об этом хотя бы некоторое представление. Однажды вынудив Селию просветить ее в этом вопросе – Диана напрочь отказалась говорить с сестрой на эту тему, пока та не обручится, – Минерва потеряла к интимной стороне замужества всякий интерес. По-видимому, Диане и Селии эта часть супружеской жизни доставляла удовольствие, однако Минерве все это представлялось странным, безнравственным и неприятным.

И уж совершенно не тем, чем бы захотелось заняться с человеком, который не вызывает у вас хотя бы малейшей приязни.

После обеда герцогиня показала Минерве собственную гостиную, которую дама использовала для повседневных занятий. Это была просторная комната с высоким потолком, украшенным изящной лепниной и относительно скромной по сравнению с парадными залами обстановкой. Большой камин прикрывала красивая каминная решетка, высокие арочные окна занавешивали плотные портьеры. В целом комната выглядела намного уютнее, чем остальные – огромные и несколько вычурные залы Вандерлин-Хауса. Апартаменты идеально соответствовали своей хозяйке: красивые, элегантные и прохладные.

– Я собиралась, – начала герцогиня, когда они сели в обитые декоративной тканью кресла, – показать вам ваши комнаты, но, думаю, их лучше осматривать при дневном освещении. Давайте посидим и поговорим без всяких формальностей. Вам нравится эта комната?

– Очень изысканная.

– По размерам она вполне подходит для повседневного использования. Такая же комната находится в западном крыле дома, отведенном для вас.

Минерва надеялась, что ее жилище окажется более уютным. И хотя Диана часто бранила ее за это, она любила с ногами забираться на софу и часами предаваться чтению. Герцогиня, похоже, всегда держала спину прямой.

– Естественно, официальные приемы вы будете устраивать в парадных залах, – продолжала герцогиня.

Хоть Минерва и мечтала стать хозяйкой большого дома, идея принимать сотни гостей в этом огромном особняке утешала ее. Ее амбиции не простирались столь далеко.

– Не беспокойтесь, моя дорогая, у нас достаточно большой штат прислуги, а значит – заниматься повседневными мелочами вам не придется.

– Видите ли, ваша светлость, мы с Блейкни еще не думали, где станем жить. У меня создалось впечатление, что великодушное предложение герцога явилось для него полной неожиданностью.

Герцогиня небрежно взмахнула рукой, словно отметая столь незначительное препятствие, как мнение собственного сына.

– Маркиз сделает так, как ему будет указано. – Ее тон сменился на доверительный. – Когда вы впервые обедали в МанDEVILE, после того как ваша сестра вышла замуж за Айверли, на меня большое впечатление произвело ваше понимание вопросов государственной важности.

– Благодарю вас.

– Именно поэтому я предложила устроить бал в честь вашего дебюта в этом доме. Конечно же, расположение герцога к сэру Айверли тоже сыграло свою роль.

– Я была вам исключительно благодарна.

– Это значит, что нынче ваша благодарность не столь велика?

Минерве показалось, будто в вопросе герцогини прозвучало недовольство, но уверенности в этом у нее не было, и, не найдясь что ответить, девушка молча повела плечами, ожидая следующей реплики собеседницы.

– Уверена, вы осознаете, что жены великих людей могут и должны играть важную роль в государственных делах. Если мы обладаем умом, мы способны оказать значительное влияние.

Как часто Минерва говорила почти то же самое в кругу семьи и среди приятельниц. Впервые за много дней ее сердце сильнее забилося от возбуждения, а не от гнева.

– И именно я, – продолжала герцогиня, – могу вас наставить относительно вашей будущей роли.

Минерва готова была упасть на колени и умолять свою будущую свекровь позволить ей набраться ума-разума у такой опытной наставницы. Однако ей в голову пришла совсем другая мысль. Герцогиня вела речь о великих государственных мужах, к коим, без сомнения, причисляла и герцога Хэмптона. Более двадцати лет он посвящал себя делам империи, занимая различные посты. В прошлом веке этот достойный джентльмен едва не стал премьер-министром.

С другой стороны, Минерве предстояло стать женой лорда Блейкни. А довольно сложно было вообразить человека, который менее всего походил на великого государственного мужа.

– Но... – начала Минерва, пытаясь отыскать наиболее тактичный способ донести до матери, что ее сын по складу своего ума не может стать государственным деятелем.

Ее терзания оказались напрасными.

– Блейкни никогда не был способен выполнить миссию, которую ему предстоит на себя возложить, – с жестокой откровенностью произнесла герцогиня. – Чтобы соответствовать своему будущему положению, ему понадобится ваша помощь.

– Я польщена вашим доверием, но, полагаю, в данных обстоятельствах мое влияние весьма незначительно.

– Умная жена всегда найдет способ заставить мужа прислушаться к себе. А поскольку ваш долг произвести на свет будущие поколения Вандерлинов, наши интересы полностью совпадают.

Какое бы уважение ни испытывала Минерва к герцогине, она все же решила высказать свое мнение.

– Я не думаю, что методы, которые вы предлагаете, – осторожно начала она, – помогут мне завоевать чувства Блейкни, поскольку я не обладаю опытом в подобных делах, а мой будущий супруг не заинтересован во мне как в соратнике.

– Естественно, у вас нет опыта. Но он появится. К счастью, вы такая хорошенькая.

– И даже если я сумею убедить Блейка, как я заставляю его заниматься вопросами, к которым он не имеет никакой склонности?

– Несмотря на его поведение, в том числе и на этот безрассудный проступок, приведший к нынешней ситуации, я не считаю своего сына действительно глупым человеком.

– Конечно же, нет, – пробормотала Минерва.

Она не вполне была уверена в правоте герцогини. Возможно, Блейкни не испытывал недостатка в природном уме. Но ей ни разу не доводилось беседовать с ним на темы, которые по ее меркам не являлись пустой болтовней, тем более что Минерва терпеть не могла разговоров об охоте.

– Если бы он только прикладывал чуть больше усилий, но, к сожалению, Блейк патологически ленив! С раннего детства он отказывался проявлять усердие в выполнении уроков. Его праздность всегда вызывала огромное разочарование отца.

Станным образом у Минервы возникло желание защитить своего жениха. Никогда она не считала его ленивым. Напротив, он производил впечатление человека чрезмерно энергичного, правда, всю свою энергию он тратил на физическую деятельность. И весьма преуспевал. Как бы мало ни разделяла Минерва эту его страсть, она знала, что невозможно стать блестящим наездником и обладать первоклассной сворой гончих, не приложив к этому значительных усилий.

К тому же ей показалось несправедливым, что герцог и герцогиня столь пренебрежительно относятся к своему сыну только потому, что тот не изъявлял желания следовать их заветам. Ее собственные родители никогда не препятствовали своим детям выбирать собственный путь, и в результате все шестеро развили потрясающее разнообразие интересов. Возможно, Уильям и Марго Монтроуз удивлялись выбору некоторых детей, но это не мешало им любить всех своих отпрысков и гордиться ими.

Абсолютное равнодушие к делам страны как минимум удивляло Минерву. Она вспомнила, как несколькими годами ранее Блейк поразительно спокойно воспринял сообщение об ужасной Манчестерской бойне. Как мог он оставаться таким холодно индифферентным, если рос и воспитывался почти в самом центре английской политической жизни? Мелькнула мысль: а не могли ли годы такой близости как раз и взрастить это равнодушие?

Впервые за все время Минерва почувствовала, как в ее душе просыпается любопытство: что же за человек ее будущий муж и как он стал таким к своим тридцати годам.

Глава 5

Карета подъехала ко входу, и Блейк, изнемогая от нетерпения, ожидал выхода своей невесты, чтобы незамедлительно покинуть Хэмптон-Хаус и вдохнуть свободный, пусть и задымленный воздух улиц. Он довезет Минерву до Беркли-сквер, потом отпустит карету отца и на первом же кебе отправится в Ковент-Гарден. Или нет, никаких кебов, он прогуляется пешком. Блейк чувствовал, как затекли все его части тела, как сжалась грудь, не давая воздуху проникнуть в легкие. Что ж, вполне обычная реакция на длительное пребывание в обществе отца. Лучшим лекарством от этого смятенного состояния стала бы получасовая скачка или фехтование с хорошим противником, а еще лучше – пара раундов ожесточенного боксерского поединка. Но поскольку ни одной из этих возможностей у него не было, он вспомнил о Дезире, которая, безусловно, сумела бы унять его беспокойство. Ведь герцог, к счастью, забыл определить конкретные сроки прекращения их отношений.

Минерва будто и не заметила его протянутой руки, когда он попытался помочь ей подняться в экипаж.

– Не могли бы мы прогуляться? – спросила она.

Блейк с удивлением посмотрел на невесту:

– В этих белых туфельках? Вряд ли в них можно дойти до дома, основательно не запачкав.

– Меня это не волнует, хотя, наверное, должно. Я сейчас в таком состоянии, что только прогулка принесет мне облегчение.

Редко Блейк испытывал чувства, столь похожие на чувства юной леди.

– Хорошо, мисс Монтроуз. Тогда, пожалуйста, обопритесь на мою руку и смотрите под ноги. Будем надеяться, что нас не ограбят и не арестуют.

– Я уверена, что от первой неприятности вы вполне способны меня защитить, что же касается второй, мне бы хотелось, чтобы вы перестали вспоминать ту старую историю. Тогда я была слишком молода и экзальтирована, а теперь уже не совершаю подобных глупостей.

– В этом возрасте неприятности моей сестры Аманды, как правило, сводились к тому, что она попадалась на примерке платьев старших сестер или влюблялась в кого-нибудь из знакомых отца. До нарушения закона дело не доходило.

– Вот и я обещаю не нарушать закон на всем пути до Беркли-сквер.

Блейкни, дав указания слугам, отпустил экипаж, и пара в полном молчании направилась к Пиккадилли. Когда они добрались до угла Девоншир-Хауса, Минерва отпустила его руку и быстро пошла вперед.

– Мы должны здесь повернуть, – окликнул ее Блейкни.

– Нет, – бросила она через плечо, – я хочу еще прогуляться. Мне никогда не позволяли гулять по Лондону поздним вечером.

– Потому что для леди это небезопасно.

– Я уверена, вы в состоянии защитить меня.

Блейк поравнялся с ней как раз вблизи уличного фонаря и был вознагражден открытой и радостной улыбкой. Распростившись с надеждой провести остаток вечера в Ковент-Гардене, Блейк ответил девушке мрачным взглядом.

– Не слишком хорошая идея, – сказал он, когда Минерва повернула в сторону узкого переулка, ведущего на Уайт-Хорс-стрит.

– Мне хочется взглянуть на рынок Шепердс-Буш ночью. Я читала о старом квартале Мейфэр, где якобы происходят ужасные вещи, но днем там можно увидеть лишь прилавки с продуктами.

Блейк пожал плечами. Печально известную своими тайнами ярмарку ликвидировали несколько десятилетий назад, однако этот район все же сохранил налет былой жуткой славы. По всей вероятности, ничего ужаснее, чем несколько представительниц древнейшей профессии, Минерва там не увидит. Если ее это шокирует, тем лучше. Все же Блейк твердо взял девушку под руку и крепко прижал ее локоть к своему боку.

Когда они приблизились к рыночной площади, на них с нескрываемым любопытством уставилась пара проституток. Блейк, заметив, как его спутница тоже окинула женщин взглядом, спросил себя, понимает ли Минерва, что это за женщины. К счастью, теперь его невеста притихла, но тут одна из проституток, нахальная девица с размалеванным лицом, шагнула им навстречу.

– Может, ищите третьего в постельку? – спросила она. – Или могу подыскать жеребца для дамы, если ей это угодно. – Послушай, – продолжила она, опуская взгляд на промежность Блейка, – с таким хозяйством ты сможешь без труда ублажить нас обеих.

Ответ Минервы на это интересное предложение ему так и не довелось узнать. Блейк попятился от девицы, напиравшей на него своей пышной и бесстыдно открытой грудью, но тут же почувствовал какое-то шевеление у себя за спиной. Обернувшись, он успел схватить за руку того, кто уже вытаскивал кошелек из кармана его сюртука.

– Пойман с поличным, – с удовлетворением констатировал Блейк.

Воришка был маленький и вертлявый, он извивался, как форель на удочке, обдавая Блейка потоком ругательств. Проститутка, вероятно его сообщница, не стала дожидаться развязки и быстро скрылась за углом дома.

– Не смей ругаться в присутствии дамы. Сейчас пойдешь со мной, и мы отыщем полисмена, – сказал Блейк. – Мисс Монтроуз, пожалуйста, постарайтесь не отставать, мне понадобятся обе руки, чтобы управиться с этим негодником.

Он бросил ей возвращенный кошелек.

Его невеста, разумеется, не повела себя как обычная женщина. Она не впала в ступор, чему, впрочем, Блейкни очень порадовался, не выглядела даже потрясенной. Более того, Минерва не выказала никакого возмущения этой попыткой кражи. Она хладнокровно дождалась, пока Блейкни скрутит чертыхавшегося воришку, и неожиданно попросила:

– Отпустите его.

– Что?

– Он всего лишь мальчишка.

– Точно, мисс, – проговорил мерзавец, перестав вырываться из рук Блейка. – Отпустите меня. Я никогда такого не делал, но моя мать и младшие братья голодают.

– Бога ради! Вы ведь не собираетесь поверить...

Минерва прервала его:

– Отпустите его. Пожалуйста. Ведь ничего же не случилось, ваши деньги целы.

Мысленно пожав плечами, Блейк решил уступить. Действительно, ведь придется тащить маленького злодея до самой Пиккадилли, потом выискивать блюстителя порядка. Все это займет массу времени, а руки у него будут заняты, и Минерва, по сути, останется без защиты. А, не приведи Господь, случится какая-нибудь неприятность...

– Если вы на этом настаиваете, – произнес он и отпустил воришку.

– Спасибо, дяденька.

– Благодарю даму.

– Спасибо, мисс. Как насчет шиллинга, чтобы купить еды для моих малышей?

– Не испытывай судьбу, парень.

Блейк нахмурился, и парнишка, рванув со всех ног, моментально исчез в том же переулке, из которого появился пятью минутами раньше.

– Давайте выбираться отсюда.

Крепко взяв Минерву под руку, Блейк торопливо повел ее через площадь к более освещенной и безопасной Керзон-стрит.

– Я и забыл, насколько невыносимой вы можете быть, мисс Монтроуз. Неужели вы не способны вести себя как подобает обычной молодой леди? Я, верно, совсем потерял голову, согласившись на эту прогулку.

– Чепуха, все это было крайне занимательно.

Этой короткой фразой Минерва ясно дала понять, что все его сетования оказались пустым сотрясанием воздуха, и Блейк подумал, что невеста, не похожая на «обычных молодых леди», сделает его жизнь интересной, ну хотя бы в некоторых смыслах. Он посмотрел на девушку, которая ни на шаг не отставала от него, хотя торопившийся Блейк даже и не подумал подстроиться под ее шаг.

– Надеюсь, вы не поверили сказке, которую сочинил этот мальчишка? – спросил Блейк. – Скорее всего он член какой-нибудь шайки карманников.

– Возможно, вы правы, но мы не можем быть в этом уверены. А закон не видит разницы между голодным мальчишкой, крадущим кусок хлеба, и закоренелым преступником. Того и другого вполне могут отправить в тюрьму или даже на виселицу. Какое мы с вами имеем право обречать ребенка на такое будущее?

– Но разве может беззаконие стать альтернативой?

– Альтернативой станет реформа.

И Минерва пустилась в пространные рассуждения о теории справедливости, биллях, принимаемых парламентом, о Бентаме и Коббете, Элизабет Фрай, тюрьмах и народном образовании. К своему немалому удивлению, Блейк понял, что его заинтересовал этот разговор. Он с удовольствием слушал, как она рассуждала о проблемах общества, при этом ловко обходя вопрос политических интриг, видимо, понимая, что его отца всегда волновали споры в парламенте, министерствах и партии. Минерва обладала способностью представлять факты доступным и в то же время занимательным способом, избегая пустословия и быстро переходя к сути. Всю свою жизнь он провел в атмосфере подобных разговоров, но именно сейчас его действительно увлекла эта беседа. В трактовке Минервы все эти вопросы казались действительно важными. В основном Блейк слушал молча и лишь изредка задавал какой-то вопрос.

– А тюрьма Миллбанк действительно являет собой улучшенный вариант подобных заведений? – спросил он.

– Это лучше, чем Ньюгейтская долговая тюрьма или плавучая тюрьма-галера. Но заключенных там долго не держат, их переводят в другие места. Пока парламент не начнет действовать, истинной справедливости не видать.

К этому моменту они дошли до южного сектора Беркли-сквер, оказавшись почти у самого дома Чейзов. Минерва остановилась, повернулась и посмотрела ему в лицо. При свете газового уличного фонаря голубые глаза девушки сверкали так ярко, что теперь ее лицо уже не представлялось Блейку бледным.

– Я все-таки верю, Блейкни, что вам это не безразлично. Даже помыслить не могу иначе. Позвольте мне прислать вам несколько памфлетов на эти темы.

У него опустилось сердце. Памфлеты. Она хочет, чтобы он читал политические памфлеты. Блейк вдруг почувствовал себя школяром.

А Минерва продолжила, не замечая его беспокойства:

– Когда вы познакомитесь с подробностями, вы не сможете остаться равнодушным к ужасам, на которые обречены эти несчастные. Никто бы не смог.

Следовало сменить тему разговора, и как можно скорее. И хотя это противоречило решению, принятому раньше, другого способа на ум ему не пришло.

Минерве польстило искреннее внимание жениха, ведь раньше, как ей было известно, он никогда не интересовался ничем, кроме охоты. Когда Блейкни ухаживал за Дианой, той приходилось выслушивать бесчисленные рассказы об охоте на лис. Возможно, прошедшие годы изменили его легкомысленное мировоззрение.

Минерва вновь отметила паутинку морщин, тянувшихся от уголков его темно-синих глаз, наглядное свидетельство зрелости. Она не могла не признать, что этот мужчина действительно красив. Внимательно вглядываясь в его лицо при свете газового фонаря, она почувствовала, что произошло что-то необычное. Выражение его лица и даже его взгляд переменились. Если бы это был кто-то другой, Минерва сказала бы, что во взгляде мужчины угадывалось... желание.

– Моя дорогая мисс Монтроуз, если уж мне суждено выслушивать рассуждения о такой сухой материи, то пусть они срываются с уст хорошенькой девушки. А почему бы не найти этим прелестным губам более удачное применение? Разве будущий муж не заслуживает поцелуя?

Он смотрел на нее взглядом, полным настоящей страсти, а слегка ошарашенная Минерва пыталась хоть как-то истолковать такой поворот событий. В начале вечера она скорее бы согласилась поцеловать змею, чем Блейкни. Но сейчас?

– А почему бы и нет? – медленно протянула она. – Возможно, тогда мы оба будем лучше понимать, что именно получаем.

Его дыхание ласково коснулось ее щеки.

– Из соображений благоразумия, – пробормотал он, и его низкий голос понизился до баса, – и поскольку мне не хотелось бы скрещивать шпаги с лордом Чейзом, предлагаю выйти из-под фонаря.

Он нелепо официальным жестом подал ей руку и повел к темному пятачку в центре площади. Парк был достаточно большим и служил отличным убежищем от городского шума в этом привилегированном районе. Стук копыт и громохание колес по булыжной мостовой, громкие разговоры, доносившиеся из открытых окон особняков, растаяли вдаль, и до них теперь доносилось только шуршание молодой листвы и нестройные напевы ночной птицы.

Минерва мимоходом подумала о тех влюбленных, которые скрывались среди этих деревьев, чтобы украдкой обменяться поцелуями. Но они с Блейкни не были любовниками, поэтому она с легкой тревогой и любопытством ожидала продолжения. И вот он одной рукой обнял ее за плечи, а другой приподнял подбородок. В темноте невозможно было видеть выражения его лица, и Минерва, закрыв глаза, впитывала тепло его присутствия, вдыхала его дыхание, в котором слабо улавливался привкус вина.

Когда губы Блейка решительно и нежно коснулись ее губ, перед ее внутренним взором предстал его четко очерченный рот, и она непроизвольно улыбнулась. Ощущение было довольно приятным.

Он привлек ее к себе, и Минерва приоткрыла губы в ответ на эту невысказанную просьбу, их дыхание смешалось, и она с удовольствием погрузилась в новые ощущения. Мистер Блейкни знал толк в подобных делах.

Почувствовав ее отклик, он распахнул бархатный плащ, который был накинут поверх вечернего платья девушки, и прижал ее к себе, нежно коснувшись обнаженной шеи Минервы. Она ощутила во всем теле слабое покалывание.

– Вот так, – прошептал он.

Слово скользнуло в ее полураскрытые губы, а за ним ворвался его дерзкий и требовательный язык. Минерва почувствовала, что ее целует настоящий виртуоз. Ощувив легкое головокружение, она, опасаясь, что упадет в обморок, обхватила его за шею, коснувшись шелковистых золотых прядей. В полном смятении чувств она попыталась проанализировать

свои ощущения, но не смогла этого сделать, этот опыт определялся как нечто... сугубо физическое, но очень приятное. Мысли девушки растворились вместе с дыханием.

Совершенно неожиданно Блейк вдруг отстранился и шагнул назад, так что Минерва едва сохранила равновесие. Сдержав протестующий возглас, она спешно собрала свои растрепанные мысли.

– Спасибо, мисс Монтроуз, ваш поцелуй столь же прекрасен, как и вы сами. А теперь, прежде чем вы подхватите простуду, позвольте мне проводить вас до дверей дома лорда Чейза.

Слова прозвучали вполне искренне и сопровождались обаятельной улыбкой, но Минерве они совсем не показались комплиментом. И к тому моменту, когда они распрощались в вестибюле дома Чейза, она уже поняла почему.

Минерву Монтроуз целовали не впервые. В стремлении испытать новые ощущения в духе либерального образования ей пару раз случалось оказаться в объятиях джентльмена. В одном случае это был весьма привлекательный австрийский граф. Она тщательно отобрала его из числа повес для своего эксперимента, зная, что он склонен к флирту и совершенно не заинтересован в женитьбе на английской девице со скромными средствами. В вестибюле венского балльного зала после великолепного вальса он целовал ее так же пылко, как только что это делал Блейкни. Однако в отличие от последнего граф прервал свои объятия, тяжело дыша и с таким огорченным видом, что это не могло не польстить Минерве.

Совсем иначе повел себя ее жених. Если Минерва могла судить правильно, она не производила на него сильного впечатления.

Вспоминая это небольшое приключение, Минерва пришла к убеждению, что Блейк начал целоваться только для того, чтобы прервать ее разглагольствования. Он явно старался уклониться от разговора, что было ей не слишком приятно. А ведь ей показалось, будто его тоже заинтересовала тема, которую она находила столь увлекательной. Очевидно, и ее поцелуи не привели в восторг будущего супруга, а это раздосадовало бы любую женщину. К тому же, поняв, что Блейкни целуется гораздо лучше австрийца, Минерва не смогла скрыть проснувшегося желания. И тем самым позволила Блейку почувствовать свое превосходство, что, в свою очередь, задело ее самолюбие.

Глава 6

Щедро одарив свою любовницу, Блейк объявил Дезире, что они должны расстаться. Красавица искренне не могла понять, зачем Блейку прекращать отношения, тем более что, как выяснилось, женитьба значительно улучшит наполняемость его кошелька. Дезире было свойственно истинно французское отношение к институту супружества.

– В самом деле, – сказала она, растянувшись на своей огромной, отделанной кружевом постели, – вашему отцу давно следовало женить вас, но я совершенно не понимаю, почему вы должны жениться на этой *jeune fille d'aucun importance*¹, ведь то, что между вами произошло, это всего лишь *petit scandale*.

Блейк поднялся, как был обнаженный, и налил себе чашку кофе, который служанка принесла, когда солнце уже приближалось к зениту. Он не спросил, откуда ей стало известно об этом *scandale*. Дамы полусвета всегда знают не меньше сплетниц из Мейфэра.

– Дело не в том, что я стал виновником скандала; к сожалению, я, по существу, уничтожил все шансы этой девушки на достойный брак.

– Но она от этого только выиграла. Думаю, в любом другом случае мисс Монтроуз не смогла бы тебя заполучить. Теперь она, должно быть, просто счастлива.

– Мисс Монтроуз? Она считает, что слишком умна для меня.

– Если она настолько умна, то, безусловно, понимает, что заключила *une alliance superbe*².

– Нет. Она меня терпеть не может и к тому же считает глупцом.

Блейк вздохнул, ему никак не удавалось избавиться от странного ощущения беспокойства. Во время их ночного приключения на рынке Шепердс-Буш его отношение к Минерве начало меняться – более того, он ощутил к девушке нечто вроде симпатии. Но мысль о том, что жена, презирающая мужа за глупость, в то же время будет пользоваться всеми преимуществами, которые дает ей принадлежность к семейству Вандерлинов, казалась совершенно невыносимой.

Блейк подумал об их поцелуе, который, во всяком случае с его стороны, не имел ничего общего с физическим влечением. Для девушки, не обладающей совершенно никаким опытом, эта попытка была вполне успешной. Минерва не держала свои губы стиснутыми, словно захлопнувшийся капкан. Ее тело – а то, что у нее прелестная фигура, он не мог не признать – растаяло под его ласками. На короткое мгновение его охватило сладкое предвкушение предстоящего исполнения супружеского долга. Но тотчас Блейк вспомнил, что это не входило в его намерения.

Он бросил взгляд на француженку, которая беззастенчиво демонстрировала ему свои прелести. До нее у него никогда не было женщин, которые сбивали бы или выщипывали все волосы на теле, за исключением тех, что покрывали голову. Помимо этого француженка была невероятно изобретательна.

– *Viens, mon cher*³, — настойчиво позвала его Дезире своим самым сладострастным тоном.

Блейк поставил чашку и вернулся в постель.

Час спустя он, опустошенный до предела, лежал на спине и, блаженно улыбаясь, мысленно повторял те несколько новых слов, которыми Дезире снова пополнила его французский словарь.

¹ Молоденькой девице без средств и связей (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

² Великолепный союз (фр.).

³ Иди ко мне, мой дорогой (фр.).

— *Mon amour*, — прошептала она ему на ухо. — Расставание станет для меня трагедией. Надеюсь, когда закончится ваше свадебное путешествие, ты вернешься ко мне.

— Тебе следует найти нового покровителя, — отозвался Блейк без особого воодушевления.

— Она красивая, твоя невеста? Такая же красивая, как и я?

Блейк привстал, опершись на локоть, и внимательно посмотрел на безупречные черты женщины, изящно очерченные тонкие скулы и пухлые карминовые губы.

— Мисс Монтроуз необычайно красива, — произнес он и получил в ответ недовольную гримаску, которая заставила его задуматься о поистине безграничной выразительности женских губок. Со дня на день от ювелира должны были доставить рубиновый браслет, который так хотела получить Дезире. Увы, он станет для нее прощальным подарком.

— Ты забудешь Дезире. Ты полюбишь эту *jeune fille*, эту английскую девственницу.

Миндалевидные глаза наполнились слезами, невольно вынуждая восхититься ее игрой и пробуждая желание приступить к очередному акту любовного действия.

— Нет.

— Тогда возвращайся ко мне. Уверена, если ты будешь одаривать свою жену не только детьми, но и драгоценностями, она не станет противиться твоим отлучкам.

— Дарить драгоценности! — воскликнул он и соскочил с постели. — Который теперь час? — Вновь из-за Дезире он опаздывал на встречу в Вандерлин-Хаус. На этот раз родители его вызывали, чтобы вместе осмотреть выделенные новобрачным покои и отобрать драгоценности для невесты.

Не то чтобы Блейк действительно намеревался обосноваться под одной крышей с герцогом, но стратегию сопротивления он пока еще не выработал. Над этим он собирался поразмыслить во время свадебного путешествия в Париж.

Блейк наскоро умылся и торопливо натянул одежду. Минерва не впервые увидит его небритым. И, увы, не в последний.

— После медового месяца... — напомнила ему Дезире, одаривая быстрым прощальным поцелуем.

— Я об этом подумаю, — отозвался он.

Минерва, как и любая девушка, была равнодушна к красивой одежде, но все же не позволяла себе уделять этому вопросу слишком много времени. Когда во время подготовки к сезону Диана настояла на том, чтобы заказать дюжину нарядов, Минерва по большей части положила на выбор своей хорошо осведомленной сестры и на примерки всегда прихватывала с собой какое-нибудь чтиво. Модистки привыкли к тому, что пока они подгибают, подкалывают и подшивают ее наряды, мисс Монтроуз не отрывает глаз от журнала «Реформист» или изучает парламентскую колонку в «Таймс».

Несмотря на свое спокойное отношение к моде, Минерва знала, что в этом сезоне стала одной из самых изысканно одетых дебютанток. Легкую досаду вызывали лишь непокорные пряди легкомысленно золотистых волос, которые никак не хотели укладываться в гладкие прически, столь популярные в этом году. Боже, как же она завидовала густым, но таким покорным каштановым локонам сестры! Младшая дочка ее венских знакомых сравнивала Минерву со своей фарфоровой куклой, у которой были такие же пышные льняные волосы. Маленькая девочка хотела сделать ей комплимент, но Минерва не любила игрушку с широко распахнутыми бездумными глазами и глупой жеманной улыбкой на курносом лице. После этого она прекратила завивать свои волосы, предпочитая заплетать их в косы и укладывать короной вокруг головы.

Что же касается драгоценностей, она вполне удовлетворялась тем, что имела: ожерелье из не крупного жемчуга, подаренное ей крестной; золотой крестик и цепочка — подарок

родителей на конфирмацию; скромный жемчужный комплект из броши, браслетов и сережек – от Дианы и Себастьяна. Они подходили ко всем ее нарядам и не вызывали у нее особых размышлений.

Коллекция драгоценностей Дианы была великолепной, но и она не могла сравниться с теми сокровищами, которыми обладал герцог Хэмптон. Ящички и шкатулки, которые под присмотром величавого мажордома слуги принесли в кабинет герцога, громоздились на огромном письменном столе хозяина дома, занимая каждый квадратный дюйм поверхности. Руководила процессом мать Блейкни. Герцогиня, безусловно, понимала, что библиотека, ставшая совсем недавно местом неприятного происшествия, не подходила для приема Минервы в качестве невесты наследника герцогства.

А наследник даже не соблаговолил появиться. Минерва прибыла в назначенный час и имела несколько сомнительное удовольствие совершить обход своих будущих владений без участия того человека, с которым ей предстояло их делить. Вероятно, Минерве следовало почувствовать себя оскорбленной, но она вдруг обнаружила, что ей легче отвечать на вопросы, касавшиеся обстановки спальни, без присутствия мужчины, который будет иметь полное право входить в эту спальню.

Помимо герцога с герцогиней и ее самой в кабинете присутствовал какой-то старик, в чьи обязанности, по-видимому, входила забота об этих впечатляющих сокровищах. Минерва никогда не слышала о существовании таких служащих и представления не имела, как называется подобная должность. Голову старика покрывал парик, но ливреи на нем не было, и одет он был, скорее, как клерк. Похоже, он не впервые участвовал в таком ритуале. Он выбирал одну из расставленных на столе шкатулок, открывал ее и с почтительным видом ставил перед герцогом. Хозяин или отрицательно качал головой, или, что происходило значительно чаще, предлагал герцогине ознакомиться с содержимым шкатулки. Если той нравилось украшение, герцог предлагал Минерве высказать свое мнение.

Многие из украшений были старомодными и, на ее несведущий взгляд, непривлекательными. Поначалу она бормотала что-то уклончивое, но когда в число отбираемых для нее драгоценностей попал необычайно уродливый старинный браслет, девушка решила высказаться без обиняков, иначе дело закончилось бы тем, что ей достались бы те украшения, которые невозможно носить.

– Спасибо, но все это не в моем вкусе, сударыня, – едва не содрогнувшись при виде броши из пугающе коричневых и желтых камней, возразила Минерва.

Герцог жестом велел отложить украшение в сторону, а герцогиня посмотрела на Минерву с проблеском уважения и начала принимать более активное участие в этой процедуре.

– Бриллианты, – сказала она. – Вы должны иметь бриллиантовый гарнитур. Эти камни никогда не выходят из моды.

Несмотря на то что до сих пор Минерва прекрасно обходилась без бриллиантов, она послушно осмотрела два различных ожерелья с соответствующими серьгами и браслетами и в который раз пожалела, что рядом нет Дианы. Сестра точно знала бы, что именно нужно выбрать. Не желая показаться жадной, Минерва выбрала гарнитур с более мелкими камнями. Затем она одобрительно отозвалась об ожерелье с камнями, обладавшими изящным благородством простоты.

– Прелестное украшение, – одобрила ее будущая свекровь.

– Это древние римские камни, которые я купил во время своего большого путешествия, – добавил герцог. – Я приказал вставить их в ожерелье моей матери.

– Вы хотите сказать, что этой резьбе почти две тысячи лет? – удивилась Минерва. – Но лица выглядят очень современными.

– Мне тоже всегда так казалось. Некоторые из изображений весьма известны. Два или три изображают цезарей. Где-то здесь есть список имен, если вам любопытно будет взглянуть.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила Минерва, хоть ее интерес к римской истории был весьма поверхностным.

Но герцогу неожиданно понравилась эта идея, и он обернулся к старику.

– Найдите список и передайте его мисс Монтроуз.

Хранитель драгоценностей, как Минерва мысленно окрестила слугу, достал со дна шкатулки сложенный вчетверо лист желтоватой бумаги и молча подал ей. На довольно большом листе оказалось тщательное изображение ожерелья, и почти под половиной камей стояли имена, написанные аккуратным каллиграфическим почерком. Ниже приводились краткие сведения о каждом историческом персонаже.

– Ливия, супруга императора Августа. – Минерва улыбнулась. – Вот уж никогда не думала, что доведется носить украшение с изображением римской императрицы.

– Не собираетесь ли вы перенять безжалостность этой дамы? – раздался от дверей голос. – Может, мне стоит обеспокоиться?

– Блейкни, – произнес герцог ставшим вдруг ледяным тоном, хотя за секунду до этого его голос звучал тепло и спокойно. – Ты соизволил почтить нас своим присутствием. Что ж, входи и прикрой за собой дверь.

Блейкни неторопливо вошел и поклонился отцу, умудрившись продемонстрировать в этом поклоне непокорность и язвительную иронию. Даже не подумав извиниться за опоздание, он поклонился дамам и поцеловал сначала руку герцогини, а потом Минервы.

– Моя дорогая мисс Монтроуз, – протянул он, склоняясь над ее рукой, – неужели вы тоже планируете править, стоя за тронном?

Он всего лишь слегка дерзил и в действительности понятия не имел, что именно такие планы строила Минерва, когда думала о своем замужестве. Удивленная его осведомленностью в вопросах римской истории, она посмотрела на листок в своей руке, перечитала про себя строку и мило улыбнулась:

– Надеюсь, как и Ливия с Августом, прожить пятьдесят один год в преданном и любящем супружестве.

– Весьма похвально, – заметил герцог. – Камей ваши.

– Старинное ожерелье моей бабушки, – сказал Блейкни. – Я помню, как она его носила и рассказывала мне истории, стоявшие за каждым камнем. Я никогда не знал моего деда, третьего герцога, но помню герцогиню уже в весьма почтенном возрасте. Как и моя матушка, она была моложе своего супруга.

Минерва в детстве не однажды видела герцога и герцогиню Хэмптон. Тогда она считала супругов глубокими стариками и относилась к паре с большим почтением. Теперь она исподтишка присматривалась к ним, уделяя особое внимание внешности. Герцогу, учитывая то, что Минерва знала о его карьере, скорее всего было около шестидесяти, но выглядел он седым старцем с морщинистым лицом и согбенными плечами человека, обремененного заботами обо всем мире. Герцогиня, которой было примерно столько же лет, сколько матушке Минервы, то есть немного за пятьдесят, выглядела цветущей и здоровой.

– Герцоги Хэмптон всегда женились на женщинах гораздо моложе себя, – продолжал Блейк. – Десять лет разницы в наше время ничего не значат. Мне пришлось бы жениться на ребенке, чтобы не прерывать семейную традицию.

– Потрясающе глупое замечание, – возмутился герцог. Он повернулся к Минерве с теплой улыбкой, которая должна была подчеркнуть его пренебрежительное отношение к сыну. – Ну как, моя дорогая. Теперь у вас достаточно побрякушек?

– Более чем достаточно. Вы очень добры сэр.

Блейкни подошел к маленькому столику, на который хранитель драгоценностей поместил отобранные Минервой украшения, и начал неспешно открывать обтянутые сафьяном шкатулки. Он отодвинул в сторону плоский футляр с камнями и открыл шкатулку побольше, стоявшую под ней. Бриллианты. Блейк вопросительно посмотрел на своего отца. Минерва никогда не видела своего жениха исполненным такой... решимостью. Она переводила взгляд с сына на отца и впервые обнаружила между ними сходство. Должно быть, в молодости герцог очень походил на Блейкни. Теперь по сравнению с цветущим сыном пожилой вельможа выглядел глубоким стариком. У Минервы мелькнула мысль о старом короле, которому бросает вызов молодой принц, но она не смогла бы объяснить, отчего она возникла.

– Здесь нет аметистов Георга I. – В голосе Блейкни звучали обвинительные нотки.

Герцог промолчал.

– А как насчет жемчуга королевы Анны? Почему вместо настоящих драгоценностей мисс Монтроуз подсовывают эти жалкие осколки?

– Они не жалкие...

И герцог, и Блейк проигнорировали ее возражение.

– В должное время, – спокойным тоном произнес герцог, – мисс Монтроуз будет пользоваться всеми семейными драгоценностями.

– Отчего же не теперь?

Минерва не могла понять, что именно так рассердило Блейкни, но его огорчение было очевидным. Она пересекла комнату и взяла жениха за руку, впервые прикоснувшись к этому мужчине по собственной инициативе.

– Их светлости были более чем великодушны. Они дали мне все, что только может мне пригодиться. У меня нет желания лишать герцогиню ее драгоценностей.

Она почувствовала, как под ее рукой напряглись мускулы Блейкни.

– Речь не идет о том, чтобы лишать герцогиню чего-либо.

Минерва почувствовала определенный подтекст в этом обмене репликами. Возможно, Блейкни подумал, будто она оскорбилась, не получив самых дорогих украшений, но трудно было поверить, что этот вопрос вообще мог его волновать.

Хотя Минерва чуть ли не с детства восхищалась герцогом Хэмптоном, она все еще считала его сына несколько туповатым субъектом, который вел со своим отцом нечто вроде того мужского соперничества, которое девушка так часто наблюдала в отношениях своих братьев. Однако теперь причина противостояния Блейкни казалась куда более серьезной. Не крылась ли она в разочарованности герцога своим сыном ввиду полного отсутствия у того интереса к вопросам государственной важности? Минерва понимала подобное недовольство. И все же она не могла избавиться от ощущения, что причины конфликта скрывались гораздо глубже, и ей неудержимо захотелось разобраться в них.

Аметисты были свадебным подарком Георга I второму герцогу. А жемчуг, о котором упомянул Блейк, хранился в семье даже дольше. Приблизительно с того времени, когда королева Анна воспылала непродолжительным, но горячим дружеским чувством к молодой жене первого маркиза Блейкни, что случилось еще до того, как он получил титул герцога за заслуги перед ганноверской династией.

Эти фамильные драгоценности традиционно передавались невесте наследника. Оделив Минерву малоценными побрякушками, герцог таким образом продемонстрировал свое истинное отношение к единственному сыну.

В общем-то, Блейк привык к этому, но сейчас, к собственному удивлению, он разозлился на отца за откровенно пренебрежительное отношение к его невесте.

«Мисс Монтроуз будет пользоваться всеми семейными драгоценностями в должное время».

Юная леди при всем своем уме вряд ли уловила подтекст, скрытый в словах герцога, но для Блейка он был очевиден. Герцог заявлял, что Минерва с ее скромными связями и незначительным состоянием сможет считаться полноправным членом семейства Вандерлинов лишь тогда, когда произведет на свет сына. А лучше двоих.

Блейка очаровала наивность Минервы. Она действительно понятия не имела, что ей предоставили далеко не самые лучшие украшения. Из-за этого младший Вандерлин испытывал угрызения совести, ведь настоящие драгоценности его будущей жене доведется носить еще нескоро. Заказывая для Дезире рубиновый браслет, Блейк под стеклом прилавка увидел великолепное ожерелье из изумрудов с бриллиантами.

– Копия ожерелья покойной императрицы Жозефины, изготовлено в Париже, – пояснил ювелир, не упуская возможности продемонстрировать самое дорогое украшение знатному покупателю, который, как было известно, вот-вот вступит во владение приличным состоянием. – Теперь, когда после окончания войны прошло так много времени, нам нет нужды чураться французской моды.

– Совершенно верно, – согласился Блейк, – я и сам собираюсь в Париж через неделю-другую.

– С таким ожерельем дама не уступит француженкам или даже превзойдет их.

Блейк покинул ювелирную лавку с браслетами для своей любовницы в одном кармане и со свадебным подарком для своей невесты в другом.

Войдя в свои апартаменты, он обнаружил, что ему доставили пакет. Но предвкушение удовольствия тотчас исчезло, когда слуга доложил, что пакет доставили из Вандерлин-Хауса. Блейк даже не потрудился распечатать записку от герцога. Как и было обещано, его отец пытался предпринять еще одну попытку подготовить Блейка к славному будущему, предоставляя сыну материал для изучения. Блейк взял первый из толстой стопки памфлетов и позволил себе широкую усмешку. Минерва по крайней мере не осуществила свое намерение снабдить его литературой для самоусовершенствования. Но возможно, все еще впереди.

И все же, наверное, стоит попытаться. Время от времени у него возникала надежда, что произойдет чудо и он по достоинству оценит один из этих трактатов, посвященных вопросам, имеющим для будущего страны поистине жизненную важность.

Он налил себе для бодрости стакан шерри и обратился к первой странице.

Запах типографской краски и дешевая серая бумага произвели на него отталкивающее впечатление, а из-за мелкого шрифта длинные слова тут же начали прыгать у него перед глазами. Десять минут спустя Блейкни в раздражении поднялся и бросил в огонь сначала злосчастный памфлет, потом, секунду помедлив, стакан.

Глава 7

Когда Себастьян убедился, что его жена достаточно окрепла, чтобы перенести утомительный переезд из Кента, Минерва вновь воссоединилась с сестрой в особняке Айверли на Портмен-сквер. Как только дети были расцелованы и, получив положенную порцию восхищения, водворены в детскую с няньками, Диана, не тратя времени понапрасну, увлекла сестру в свой будуар для разговора наедине.

– Мне очень жаль, милая, – начала Диана, усаживая Минерву на софу и устраиваясь рядом. – Это я во всем виновата.

– Почему? Потому что не вышла замуж за Блейкни? Неужели ты думаешь, я поверю, будто ты сожалешь о свадьбе с Себастьяном только потому, что со мной приключилась неприятность?

– Это вряд ли. Хотя я рада, что твои злоключения не лишили тебя обычной дерзости. Я имела в виду досадное совпадение. Ведь если бы я чувствовала себя хорошо и присутствовала на твоем дебюте, бал состоялся бы здесь. И у Блейка не появилось бы возможности попытаться соблазнить кого бы то ни было, хотя бы потому, что Себастьян не позволил бы мне пригласить его.

Минерва положила голову на плечо Диане, как это часто делала, будучи ребенком. Оказавшись рядом с единственным человеком, которому могла полностью довериться, она тем не менее не испытывала потребности лить слезы от сожаления или страха, которые по-прежнему терзали ее душу.

– Что сделано, то сделано, – сказала Минерва. – Я должна безропотно перенести этот удар судьбы. – В конце концов, Блейкни наследник одного из самых влиятельных семейств Англии. Возможно, он не слишком умен, но, может, оно и к лучшему. Я буду его направлять. – Она произнесла эти слова очень уверенно, хотя в душе подобной уверенности не испытывала.

– Все это хорошо, но ведь Блейк не только наследник династии. Он еще и мужчина. И полагаю, что когда ты узнаешь его получше, то обнаружишь, что на самом деле он не так уж и плох. Иначе я бы не думала о нем как о возможном муже.

– Тебе казалось, будто ты в него влюблена, из-за его мужской привлекательности!

– Верно. По большей части. Но он нравится мне и как человек. И всегда нравился. У Себастьяна есть свои причины для неприязни, это повелось еще с детства, но он искренне старается изжить это чувство.

– Что-то я этого не заметила. После бала он вообще собирался убить Блейкни.

– Блейк действительно повел себя отвратительно. Я была вне себя, когда узнала об этой истории.

– Он принял меня за герцогиню Летбридж, я это понимаю. Как и то, что у мужчин есть любовницы. Я почти уверена в том, что он не собирался причинить мне никакого вреда.

Диана крепче обняла сестру.

– Бедная Мин, не знаю, что и сказать. Попытайся забыть об этом. Как вы с ним сейчас ладите?

Минерва пожала плечами:

– Мы встречались лишь несколько раз и старались быть любезными друг с другом.

– Ничего больше?

– Один раз мы беседовали о реформе криминального права, но после этого он всегда старался уклониться от разговора, если я начинала говорить о чем-либо интересном.

– Интересном для тебя, хочешь сказать.

Минерва ответила Диане улыбкой:

– Ну конечно.

– Ты раньше жаловалась на то, что тебе приходится выслушивать его истории об охоте. Тебе часто приходится их терпеть?

– Ни разу не приходилось. – Минерва замолчала и задумалась. – Как странно. Пару раз он упомянул о лошадях, но не об охоте. Он жил в Девоне год или два. Возможно, там не охотятся. Если это так, то ума не приложу, чем он там занимался.

– Он продал своих гунтеров⁴, когда уезжал из Лондона. Герцог ограничивал его в средствах, однако теперь ситуация изменится. Себастьян удостоверился в этом, когда принимал участие в обсуждении брачного договора. Тебе не о чем беспокоиться.

– Я и не беспокоюсь, – рассеянно отозвалась Минерва. Блейкни всегда был помешан на охоте, но, по-видимому, оставил это занятие. И она добавила этот факт в коллекцию странных фактов, уже собранных о своем будущем муже.

– А что насчет герцога и герцогини? Как они тебя приняли?

– О! Родители Блейкни оказались весьма радушны. Это было очень волнующе: обедать за их столом и узнать последние политические новости из первоисточника. Не могу поверить, что буду жить в Вандерлин-Хаусе.

– Значит, это решено? – спросила Диана. – А Блейк согласился?

– Я видела свои комнаты. Наши комнаты, – ответила Минерва. В действительности ее жених молчал, когда обсуждалось место проживания молодых. Но ведь молчание – знак согласия, не так ли?

– Если герцог и герцогиня столь сердечно тебя приняли, думаю, это хороший знак. Если они с самого начала проникнутся к тебе уважением, то и Блейкни будет тебя уважать.

– Они подарили мне кучу драгоценностей.

– Расскажи мне об этом.

У Дианы загорелись глаза при упоминании об одной из самых излюбленных ее тем. Когда дело касалось описания драгоценностей или нарядов, Минерва неизменно разочаровывала свою сестру, внимательно следившую за всеми веяниями моды.

– Бриллианты. И еще множество украшений. Не помню, их было много, очень много. Ты увидишь драгоценности, когда их почистят. Хотя, – добавила она, – мне не показалось, что они нуждаются в чистке.

– Я не очень хорошо знаю родителей Блейкни, – сказала Диана. – Но Себастьяну они нравятся.

Мин задумалась.

– Мне они, пожалуй, тоже нравятся, наверное, я даже восхищена ими. Но мне показалось, они не слишком сердечные, во всяком случае оба относятся к Блейкни довольно холодно. В общем, они совсем не похожи на наших родителей.

– Уверена, что виной тому свойственная герцогу чопорность. Поскольку твоему будущему мужу предстоит стать членом нашей семьи, думаю, ему полезно начать привыкать к Монтроузам. Я устрою званый обед.

– Скорее, просто небольшой обед, ведь Руфус и Генри слишком далеко, а мама и папа не приедут в Лондон даже на свадьбу.

Родители Минервы ненавидели путешествовать. Они написали, что встретятся с Блейком и Минервой в Шропшире, когда молодожены вернутся из Парижа и переедут на лето в Мандевиль-Хаус.

– Уилл всего лишь в нескольких милях от Лондона, кроме того, я напишу Стивену в Харроу. Четверо Монтроузов устроят достаточно шума, чтобы Блейкни смог понять, во что он ввязывается.

⁴ Лошади для верховой охоты с собаками.

Минерва попыталась представить, как Блейкни впишется в компанию ее шумных, упрямых родственников, и не смогла. Не то чтобы ее жених излишне педантично придерживался установленных норм и правил, но разговоры между Монтроузами обычно проходили в живой и даже несколько экспрессивной манере, что совсем не походило на расслабленно-непринужденный стиль Блейка. В обществе уже привыкли к его полурассеянной манере разговора с изредка вставляемыми язвительными замечаниями.

Во время прогулки после званого обеда в Вандерлин-Хаусе Блейк показался ей вполне серьезным человеком, затем это впечатление было смазано неожиданным поцелуем в центре Беркли-сквер. Минерва, почувствовав, как при воспоминании об этом эпизоде краска смущения заливает ее лицо, озабоченно покачала головой.

Диана с интересом наблюдала за ней и пришла к верному заключению.

– Он тебя целовал?

Минерва кивнула.

– Ну и как?

– Это было приятно.

Мин даже своей сестре не хотела признаваться, насколько приятно. Что же касается странных физических ощущений, которые порой возникали у нее в присутствии Блейкни, то, безусловно, это была естественная реакция ее тела на красивого мужчину. Правда, она встречала многих красивых мужчин, и при этом у нее не возникало дрожи желания в груди, не говоря уж о возникновении подобного ощущения внизу живота. Вероятно, Блейкни был самым красивым мужчиной, которого она когда-либо встречала. Ощущение казалось естественным и произвольным, как желание чихнуть в пыльной комнате.

– Это хорошо, что ты находишь его привлекательным. Тебе доставит удовольствие ложиться с ним в постель, а если ты будешь получать удовольствие, то и он тоже его получит. Постель – это еще не все, но взаимное удовлетворение в этом аспекте сглаживает шероховатости, возникающие в других сторонах жизни. Я всегда говорила, что расскажу тебе все об интимных отношениях и супружеской жизни, как только ты будешь помолвлена. Пожалуй, это время пришло.

– Вообще-то мне известно об этом достаточно много.

– Меня это отчего-то не удивляет. Я догадывалась, что у вас с Селией состоялось несколько интересных разговоров.

– Я еще и книгу прочитала.

В то время Минерва считала, что можно лишь посмеяться над нелепыми играми, в которые играют мужчины и женщины, описанные в книге «Истинные и замечательные любовные похождения знаменитого Питера Аретина». Два года спустя она уже не была так в этом уверена.

– Книжки – это хорошо, но у них не спросишь, когда тебе что-то непонятно. Буду с тобой откровенна. Во всем, что касается женщин, я считаю Блейка мужчиной самого утонченного вкуса.

– А вы?..

– Ни в коем случае. Самое большее, что мы себе позволили, – это пара поцелуев.

Мин кивнула с явным облегчением. Ее грядущее бракосочетание и без того сопровождалось целой чередой сложностей.

– Джентльмены ожидают, что их невесты целомудренны, – продолжила Диана. – Некоторым мужчинам также нравится, когда невесты абсолютно несведущи в этом вопросе. Им нравится играть роль наставника в спальне. Таким был мой первый муж. Но не думаю, что Блейкни относится к их числу. Чем больше тебе будет известно, тем счастливее станет ваша супружеская жизнь. – Она улыбнулась. – После хороших любовных утех мужчину можно просить о чем угодно.

В душе Минервы родилась неуверенность. Поцелуй, которым они обменялись с Блейкни, произвел на него гораздо меньшее впечатление, чем на нее.

Она думала о парламентской и уголовной реформах. О детях, которые по многу часов трудились на опасных работах, получая за свой труд сущие гроши. О парламентских головах, находившихся под контролем герцога Хэмптона, и о его огромном влиянии. Влиянии, которым через некоторое время будет обладать и лорд Блейкни. Она думала о том, сможет ли воздействовать на своего мужа.

Минерва не привыкла уклоняться от трудностей и поэтому, выпрямив спину, произнесла:

– Думаю, мне стоит прислушаться к твоим советам.

Уильям Монтроуз, старший из братьев Минервы, был крупным мужчиной, на два или три дюйма превосходившим Блейка ростом и по крайней мере в три раза больше в объёме груди. Его мускулы, несомненно, могли сослужить службу, когда стоило поколотить того, кто имел безрассудство заглянуть под юбки его сестры.

Блейк протянул руку и широко улыбнулся:

– Давно не виделись, мистер Монтроуз. Помнится, вы отлично боксировали. Не угодно ли как-нибудь встретиться со мной в клубе Джексона?

Лучше было позволить Уильяму выплеснуть эмоции в тех обстоятельствах, где быстрота реакции и точность ударов позволяли Блейку уравнивать шансы.

Хмурый взгляд Уильяма смягчился, а на губах заиграла сдержанная улыбка, в которой, впрочем, таился намек на угрозу.

– Буду рад, Блейкни. Приношу свои поздравления и надеюсь, что вы будете хорошо обращаться с моей сестрой.

Несмотря на то что обед предполагался семейным, список гостей расширили и включили в него друзей Айверли – Чейзов и Комптонов. В итоге компания получилась не слишком большой, что позволяло обойтись без особых церемоний, хотя чета Монтроузов и так не особо строго следовала правилам этикета. Поскольку Вандерлины и Монтроузы являлись соседями по Шропширу, Блейк был достаточно хорошо знаком с этим семейством и, конечно же, слышал о некоторой эксцентричности отдельных членов семьи. Поэтому никто за столом не удивился, когда Стивен, самый младший, бросил в брата кусок хлеба в ответ на какое-то замечание. Даже высокомерный и утонченный денди Тарквин Комптон лишь уклонился и молча стряхнул крошки со своего сюртука.

Диана Айверли оказалась радушной хозяйкой, и Блейк мимоходом подумал, что было бы неплохо, если бы его будущая жена обладала такими же качествами. Он не возражал бы против таких вечеров, но не мог представить, чтобы подобное событие происходило в величественных апартаментах Вандерлин-Хауса. Даже всегда серьезный кузен Себастьян, казалось, сумел расслабиться за этим большим столом. В начале обеда они с Блейком обменялись если не сердечными, то достаточно вежливыми приветствиями, но общения как такового не получилось.

Перебросившись со Стивеном несколькими фразами об управлении поместьем, Блейк повернулся к своей невесте.

– Мисс Монтроуз, – начал он, надеясь предвосхитить очередной разговор, посвященный вероятной возможности роспуска парламента, – как вам понравился вчерашний спектакль?

– Очень, я благодарна их светостям за приглашение.

– Вам больше понравилась трагедия или комедия?

– Мне никогда не нравилась пьеса «Макбет». Мне вообще не верится, что леди Макбет настолько обезумела. Думаю, она была слишком занята, управляя Шотландией.

– Вы поражаете меня, мисс Монтроуз, неужели вы готовы примириться с убийством?
– Не говорите ерунды, лорд Блейкни. Я рада заметить, что цареубийство больше не является необходимым или реально осуществимым способом достижения власти.

Потрясающе, как этой девушке удавалось вывести любой разговор на свою излюбленную тему.

– Думаю, вы могли бы называть меня Блейком, – торопливо произнес он.
– А вы можете называть меня Минервой.
– В вашей семье вас называют Мин.
– Это мое детское имя.
– Тогда, может быть, я буду называть вас Минни.
– Тогда мне придется вас убить. Или называть Артуром.
– Никто и никогда не называл меня Артуром. Откуда вам вообще известно мое второе имя?

Идеальные губы Минервы сложились в подобие улыбки.

– От мистера Дебретта⁵ нет никаких секретов.

Это поддразнивание приятно удивило Блейка. Оказывается, его невеста могла быть весьма обаятельной, когда не бывала излишне серьезной.

– Если вы не слишком высокого мнения о «Макбете», возможно, вам доставляют удовольствие комедии?

– Доставляют. Я обожаю находчивость и изобретательность Шеридана. – Она наморщила прелестный носик. – Но вот вчерашняя комедия была глупой и совершенно неостроумной.

– Вы не оценили историю о пиратах, оказавшихся на необитаемом острове?

– С пиратами все было в порядке, но откуда там взялся Арлекин? И пудели, исполнявшие номер в гофрированных воротничках? – В ее глазах заплясали веселые огоньки. – Вы не находите странным, что целая группа мимов оказалась затерянной в океане?

– Я не думаю, что для подобных развлечений логика имеет решающее значение.

У Блейка мелькнула мысль, что сейчас Минерва вспомнит о главном развлечении спектакля – танцовщицах, бесстыдно задиравших ножки.

– Конечно, – произнесла она, слегка понизив голос и наклонившись к нему с доверительным видом, – я думаю, вам доставили удовольствие девушки. Мои братья точно были бы в восторге.

«Туше, — мысленно признал он. – Неужели Минерва Монтроуз флиртует?»

– А они были хорошенькие?

Он так повернул голову, что их губы оказались совсем рядом.

Она не отстранилась и не отвела взгляда, хотя легкий румянец выдал ее смущение. При всей своей самонадеянности Минерва Монтроуз была новичком в деле соблазнения. К тому же, как вынужденно признавал Блейкни, она была гораздо симпатичнее любой танцовщицы.

Он понизил голос до шепота:

– Я не заметил красивых девушек. На сцене.

– Как же вам, наверное, было скучно, – храбро ответила она.

– Мне не было скучно, – сказал он и улыбнулся своей самой соблазнительной улыбкой.

На этот раз Минерва не выдержала его взгляда и подалась назад, чувствуя, как заалели ее щеки.

– Мне тоже. Компания в ложе была превосходной. Я с удовольствием познакомилась с вашим старым другом, мистером Хантли.

⁵ Джон Дебретт издавал справочники об английских аристократических семействах.

Минерву смутили намеки жениха, но она не могла сказать ничего другого, что столь быстро развеяло бы кокетливое настроение Блейка.

Он откинулся на спинку кресла и застывшим взглядом уставился в пустоту.

– В юности нам случается заводить самые разные знакомства.

Его обескураживающий тон, казалось, помог ей вернуть самообладание.

– Мне мистер Хантли показался приятным и вполне здравомыслящим джентльменом.

Блейк пожал плечами, не осмеливаясь сказать, что он на самом деле думает о Хантли, чтобы хоть намеком не выдать правды.

– Насколько я поняла, он из самой обычной семьи, – продолжала Минерва, – и его дедушка был торговцем. – Он довольно откровенно рассказал мне о своем происхождении, когда мы говорили о дополнительных выборах, в которых он принимает участие.

Когда этот мерзавец появился в герцогскую ложу, Блейку потребовалось все его самообладание, чтобы не устроить скандал и не выбросить нахала в оркестровую яму. Блейк вышел из ложи, чтобы прийти в себя, и пропустил продолжительный разговор, состоявшийся между Минервой и Хантли. Внутри у него все клокотало, поскольку он не знал, чего же этот «старый друг» хотел от его невесты. Ничего хорошего, это уж точно.

– Помнится, Хантли как-то упоминал, что решил пробиться в парламент, – сказал Блейк.

– И что в этом плохого?

– Полагаю, ничего. Я не люблю общаться с политиками. Ради карьеры они готовы на любой обман.

– То, что мужчина хочет добиться успеха в жизни, вовсе не означает, что он не хочет действовать во имя блага страны. Не каждому повезло родиться богатым и знатным. Наше общество нуждается в талантливых людях, какого бы происхождения они ни были. Но возможно, вы с этим не согласитесь.

Если Минерва ожидала, что он ответит на ее вызов, высказавшись в защиту наследования мест в парламенте, то ее ждало разочарование. Блейк всегда осознавал парадокс, заключенный в том, какое место он занимает в этой системе. Многие люди, и прежде всего его отец, считали нелепостью тот факт, что ему исключительно по своему рождению суждено унаследовать немалую власть и огромную ответственность. И сам Блейк искренне соглашался с этими людьми.

Такого же мнения была и его невеста.

– Как верно отметил Шекспир, «печально, что рожденный для величия порой так мало одного достоин».

Поразительно было то, что она произнесла это без какого-то злого умысла. Она смотрела ему в лицо, говоря эти слова, и, очевидно, имела в виду именно его, но совершенно не осознавала, что ее слова могут быть восприняты как личное оскорбление.

– Это сущая чепуха, Джулиана! – Возмущенный голос Айверли прервал возникшую было неловкую паузу и, к облегчению Блейка, избавил его от необходимости отвечать себе-седнице. – Готов биться об заклад, что этот переплет относится к семнадцатому веку.

– Абсолютная ерунда, Айверли, – возразила леди Чейз. – Любому дилетанту видно: это эпоха Елизаветы.

– Себастьян вновь завел свою пластинку, – заметила Минерва.

Блейк простонал:

– Книги!

– Пожалуйста, не надо! – добавил Стивен Монтроуз.

Все трое произнесли свои реплики почти одновременно и, переглянувшись, весело расхохотались.

– Себастьян и Джулиана могут препираться на эту тему бесконечно, – сказала Минерва. – Еще совсем недавно они терпеть друг друга не могли. И хотя теперь они друзья и Джулиана даже стала членом Бургундского клуба, спорить они не перестали.

Себастьян, Тарквин Комптон и Чейзы состояли в обществе собирателей книг – организации, членство в которой никогда не грозило Блейку.

– И обычно леди Чейз одерживает верх? – спросил он.

– Я не знаю, да и никогда этим не интересовалась. Боюсь, мой интерес к старинным книгам очень поверхностный. Если он вообще есть.

– Нет нужды извиняться передо мной, – сказал он, вызвав еще одну ее улыбку. – В этом я с вами абсолютно согласен.

Стивен кинул на него одобительно-понимающий взгляд.

В этой компании библиофилов хорошо было сидеть рядом с Минервой и Стивеном, полностью разделявшими его ироническое отношение к увлечению старинными книгами. Хотя в его случае слова «ироническое отношение» не совсем точно передавали его ощущения. Гораздо точнее чувства Блейка можно было выразить словом «страх».

Но облегчение оказалось кратковременным. Уильям Монтроуз и Селия Комптон тоже заговорили о наиболее популярных романах автора «Уэверли»⁶, и их тихий разговор быстро перерос в общую застольную беседу. Блейк узнал, что каждый из собравшихся, даже его кузен и бывший соученик, его возвышенная невеста и ее младший брат прочли все современные романы. Мнения об «Айвенго» и «Роб Рое», о произведениях мисс Эджурт, и мисс Остин, и миссис Радклиф перелетали с одного конца стола на другой, как мячик для лаун-тенниса.

Блейк вжался в кресло, страстно желая стать невидимкой. Всю свою жизнь он избегал подобных дискуссий, и среди его близких знакомых были лишь те, кто находил удовольствие в менее возвышенных занятиях. А теперь даже в своем будущем он не видел спасения. Он был обречен стать членом семьи, которая почти в полном составе питала истинную страсть к печатному слову.

Что бы подумали эти образованные люди, если бы узнали, что он предпочел бы переплыть Ла-Манш, чем продраться через один из бесконечных томов Вальтера Скотта.

Что бы они сказали, если бы узнали, что новый член их семьи, взрослый человек тридцати лет от роду, обладавший известным именем и получивший самое прекрасное образование, какое только возможно в Англии, едва мог читать? Что он с величайшим трудом разбирает одну страничку простого печатного текста.

Блейкни понимал, что многие люди, и в первую очередь его собственный отец, считали его глупцом, но никто не знал, что это абсолютная правда.

⁶ Считается первым историческим романом В. Скотта.

Глава 8

Мысль напиться казалась весьма соблазнительной. Графины с портвейном и бренди, стоявшие на столе, казались гораздо более дружелюбными, чем люди, сидящие за столом. Дамы вышли из-за стола, оставив Блейка в компании братьев Монтроуз, Айверли и его друзей.

С момента неприятной встречи с Хантли Блейк старался не злоупотреблять спиртным. Если вспомнить, то последний раз он напился в тот вечер, когда его мать устраивала бал в честь Минервы. И вот чем все это закончилось. Он отставил стакан в сторону, твердо решив, что в этой компании просто обязан оставаться абсолютно трезвым. От беспокойства и уныния его спас лакей, сообщивший, что леди Айверли просит сэра Блейкни встретиться с ней в библиотеке.

Что такого притягательного в этих библиотеках? Зачем людям так много этих проклятых книг?

Диана была в библиотеке одна.

– Вы считаете это благоразумным? А что, если сейчас сюда ворвется ваш муж и набросится на меня с кулаками?

Диана рассмеялась:

– Я предупредила Себастьяна, что собираюсь поговорить с вами после обеда. Он обещал вести себя прилично.

– Очевидно, в том случае, если мы будем вести себя прилично.

– Не думаю, что вы испытываете желание нарушать приличия в моей компании, впрочем, как и я в вашей, так что не стоит притворяться.

– Вы же знаете, как жестоко я страдал из-за того, что вы меня бросили.

– Ничего подобного. И это к лучшему, поскольку теперь мы станем братом и сестрой.

Диана сделала шаг к нему, взяла его за обе руки и поцеловала в щеку.

– Добро пожаловать в семью.

– Мне очень жаль, – сказал Блейк. – У меня не было ни малейшего намерения компрометировать вашу сестру.

– Я это знаю, Блейк. Теперь присаживайтесь, и поговорим. Но прежде расскажите, как выживаете. Последний раз мы встречались в МанDEVиле позапрошлым летом.

– Я жил в Девоне, управлял поместьем.

– И вам нравятся занятия сельским хозяйством? Выглядите вы хорошо.

– Мне доставляло удовольствие приносить какую-то пользу. Но я рад ненадолго вернуться в город.

– А ваш отъезд в деревню был как-то связан с денежными проблемами, которые у вас возникли?

– Спасибо, что тогда одолжили мне денег. Извините, что пришлось задержаться с выплатой долга.

Если Диана и заметила, что он уклонился от ответа на ее вопрос, то она этого не показала.

– Вы рассказали об этом своей сестре? – спросил он.

– Нет. Думаю, я коснусь этого вопроса лишь в том случае, если дело каким-то образом затронет интересы Минервы, тогда я обязательно поставлю ее в известность. Если же нет, думаю, нам обоим стоит забыть об этом.

Блейк испытал облегчение. Ему всегда легко было с Дианой, и это являлось одной из причин, по которой он хотел на ней жениться. Хотя следовало признать, что из двух сестер Минерва была красивее. Если судить непредвзято, то лицо Дианы казалось самым обычным.

Ее привлекательность заключалась в роскошной фигуре, чудесных темных волосах и великолепных нарядах. Единственной общей чертой сестер были большие ясные голубые глаза. Помимо того что Диана обладала немалым состоянием, Блейку казалось, будто она очень хороша в постели. Увы, убедиться в этом ему не случилось: девушку увел Себастьян, этот занудный книжный червь. Блейк до конца так и не смог понять, почему это произошло, хотя предполагал, что случившееся имело некоторое отношение к любви.

Блейк напомнил себе, что в период ухаживания Диана была вдовой, познавшей интимную сторону супружеской жизни, тогда как Минерва – невинная девушка. Но в ходе их недолгой застольной беседы промелькнул едва уловимый намек на чувственность, позволявший предположить, что в его невесте можно пробудить настоящую страсть. Поэтому, отказавшись делить ложе с собственной женой, он, безусловно, многое потеряет. К тому же, расстроив планы отца, он причинит боль супруге, которая, безусловно, захочет стать матерью. Об отцовстве Блейкни никогда особенно не задумывался, но не исключено, что когда-нибудь и он захочет иметь наследника.

Блейк чувствовал, как слабеет его решимость. Решение не конsumировать брак было принято в момент раздражения и, возможно, оказалось излишне поспешным. Если и в дальнейшем они так же хорошо поладят, то будет трудно, даже глупо придерживаться своего решения. Сафьяновый футляр с прекрасным изумрудным ожерельем приятно оттягивал карман пальто. Он намеревался вручить подарок Минерве сразу после обеда в присутствии ее семьи и друзей как символ самого искреннего расположения.

– Блейк! Вы меня не слушаете!

– Простите, что вы сказали?

– Пока ничего. Я хочу поговорить о Минерве. Она хорошая девушка, и, думаю, вы с ней сможете быть счастливы. Она хочет забыть о том недоразумении, которое предшествовало вашему обручению.

– Я рад.

– Она гораздо младше вас.

– Десять лет не столь уж большая разница. И потом, Минерва производит впечатление вполне уверенной в себе девушки.

– Мин всегда была не по годам рассудительной, но это не значит, будто она знает так много, как ей кажется. Кроме того, она несколько импульсивна и склонна попадать в неприятные ситуации. Порой ее приходится спасать от самой себя.

Впервые в ходе обсуждения предстоящего брака Диана достаточно прозрачно намекнула, что Блейк может привнести в этот союз кое-что еще, кроме своего имени, состояния и мужского начала. Мысль о том, что ему придется оберегать и направлять свою излишне интеллектуальную невесту, согревала Блейкни, давая приятную возможность ощутить себя защитником.

– Вы имеете в виду, – сказал он с улыбкой, – забирать ее под залог, как это уже однажды случилось?

– Полагаю, – осадила его Диана, – что Мин уже переросла подобные неосмотрительные поступки. Да и не вам пришлось вытаскивать ее оттуда. Слава Богу, есть Себастьян.

– Да, слава Богу.

– Прекратите, Блейк. Вы никогда по-настоящему не любили меня, а у него имелась причина вас ненавидеть. По крайней мере вы должны стать выше детской ссоры.

Что он мог на это ответить? Никто, за исключением Аманды, не знал, почему он с первого взгляда невзлюбил Себастьяна, этого идеального кузена, которого герцог постоянно ставил в пример своему ленивому и недалекому наследнику.

– Я, конечно же, буду изо всех сил заботиться о своей жене. Жаль, что в подоплеке нашей женитьбы лежит глупое и неприятное недоразумение. Наверное, Мин рассчитывала, что ее мужем станет какой-нибудь высокоумный джентльмен.

– Думаю, она найдет в себе силы примириться со своим положением. Минерва всегда хотела быть в гуще политической и дипломатической жизни. А какое еще семейство живет именно такой жизнью, как не семейство Вандерлинов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.